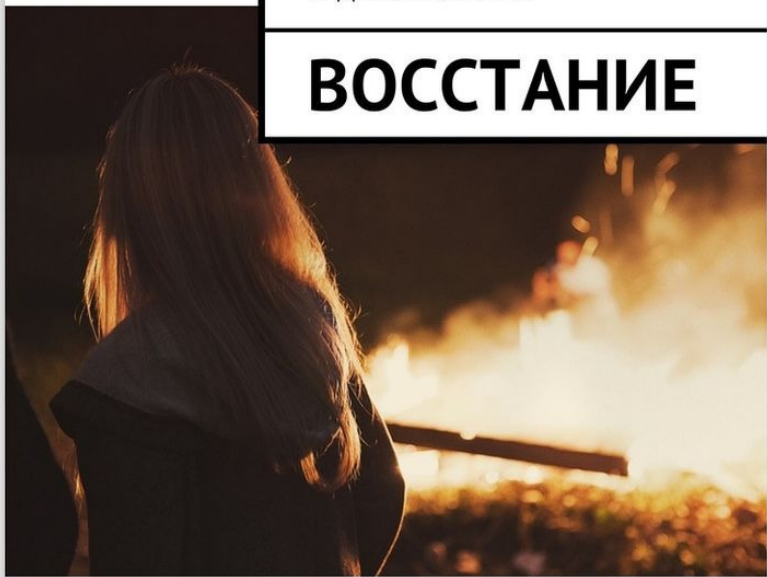

18+

РАДМИЛА ЁЛКИНА

ВОССТАНИЕ

Радмила Ёлкина

Восстание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349747

ISBN 9785448591990

Аннотация

Представьте мир человека, живущего в роскоши и богатстве, и человека, чья жизнь основана на выживании. Таков контраст на Спасительном материке. Таня из города №104 намерена прекратить жить в мире рабства и унижений. Она сбегает с сестрой из города, покидая отчий дом и прежнюю привычную жизнь. Не зная, что делать дальше, сестры идут на поиски свободной жизни. Судьба вовлекает их в бурный водоворот событий. Они находят новых друзей, вместе с которыми решают совершить настоящий переворот.

Содержание

Пролог	5
1	6
2	13
3	21
4	31
5	39
6	52
7	61
8	71
9	79
10	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Восстание

Радмила Ёлкина

© Радмила Ёлкина, 2017

ISBN 978-5-4485-9199-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

2423 год. Хаос и разруха. Голод и смерть. Единственные люди, которые прекрасно живут, это наше правительство. Мы теперь рабы. Мир и справедливость уже исчезли с нашей планеты. На ней остался один материк, годный для жизни. Его назвали Спасительным. И вот люди жили здесь, а точнее выживали, и постоянно работали, чтобы правительство могло отдохнуть. Все было бы ничего, если бы было только так: мы работаем – они отдыхают. Но раз в месяц они собирали определенное количество людей по жребию и казнили их только потому, что нам не хватало места. Численность людей росла, а материк не становился больше. С каждого города забирали по семь человек. Это были мужчины и женщины, старики, дети. Я видела, как у сыновей забирали отцов, я видела, как у отцов забирали сыновей. Мира больше не было.

6:00. Вставать было тяжело, но надо. Родители были уже, наверное, на своих местах. Их рабочий день начинался с 6:30, а у нас с Варей с 8:00. Хорошо, что она была со мной. Мне так было намного спокойнее. Я посмотрела на соседнюю кровать. Варя еще спала крепким сном. У нее были красивые пепельно—черные волосы и длинные темные ресницы. Сейчас её рот был немного приоткрыт, поэтому выглядела она забавно. Я невольно улыбнулась, но потом вспомнила, что нам сегодня предстоит сложный день. Я застелила свою постель и толкнула сестру, которая тут же встала. Набрав в таз чуть теплой воды, я быстро умылась и принялась готовить завтрак. Признаться, с едой всегда было туго. И не только у нас. Практически все не доедали. Сегодня был чай из ромашки, которую нам давала бабушка, и кусочек хлеба. Обедали мы на работе. Там была каша, но она была подгорелая и невкусная, но особо выбирать было не из чего. Мы с Варей ели медленно, чтобы пища хорошо усваивалась, а то мы быстро захотим есть. Мы обычно разговаривали во время еды, чтобы особо не думать о ней. А по утрам мы могли разговаривать только о своих снах.

– Тань, – говорила сестра, – ты совсем не высыпаешься. Дурные сны? – меня удивляло то, как она говорила. Чётко, с расстановкой, с толком. Большинство её ровесников были

не такими как она. Ей было двенадцать, а она все прекрасно понимала. – Хочешь, я сегодня поработаю за тебя, а ты уйдешь пораньше?

– Что за глупости? – возмутилась я. – Мы как всегда вместе уйдем.

– Через неделю снова приедут Праведники, – она тяжело вздохнула. – Почти с каждой семьи увозили по человеку...

– Даже если кого—то из нас выберут, мы не сдадимся без боя, Варя, – говорила я, чтобы отогнать от нее плохие мысли, хотя сама сомневалась в своих словах. – И лучше называй их Варварами, а не Праведниками! Они далеки от этого. У каждого из них столько грехов, что не пересчитать. Они столько людей убили просто так.

В дверь постучали. Это были Дежурные, малая часть правительства. По сравнению с нами они жили как в сказке. Они смотрели на нас свысока. Их работа была весьма не сложная. Каждое утро они стучали в двери каждого дома, призывая всех работать, и следили за всеми нами во время работы. И вообще—то не только во время работы, постоянно, но не так тщательно как днем. Иногда ночью можно спокойно пройти мимо них, и они не заметят. Если кто—то решил передохнуть раньше времени, Дежурные применяли варварские методы. Они били руками, ногами, палками до потери сознания. Самое главное в них – отсутствие милосердия и сострадания.

Быстро накинув на себя верхнюю одежду, мы вышли

из дома. Наш сосед Вова помахал мне рукой. Его семья иногда помогала нам с едой. Он был единственным ребенком в семье: его родители просто боялись того, что если бы у них было несколько детей, они бы не смогли их всех спасти. Его мама работала в местной пекарне, а отец работал с моим папой в лесу. Мы с Варей были на полях. Нашей работой было вскапывать земли, садить растения и собирать урожай. Вова и еще несколько ребят вывозили то, что мы все делали за месяц и привозил запасы воды и ничтожное количество еды. Моя мама работала в детальном отделе, где делались всякие предметы из сырья, которое было на нашей территории, обычно это была древесина и металл.

– Эй, Тань! – крикнул Вова, я обернулась. – Вас довести до полей? Мне по пути, я вывожу сегодня товары.

– Мы не против! – крикнула в ответ Варя. Я укоризненно на нее посмотрела, но это, кажется, её вообще не смутило. Мы направились к грузовику. – Привет, Вова!

– Да, привет, Вова, – тихо поздоровалась я. – Когда вернешься?

– По закону я должен прибыть до приезда Праведников, – ответил Вова, когда мы уже сели в грузовик. Он завел мотор, и мы поехали. – Но я приеду раньше них, это точно. Чем займетесь сегодня?

– Тем же, чем и всегда, – устало проговорила Варя. – Собирать, садить, удобрять...

– Кажется, что это никогда не закончится, – сказала я

и посмотрела на Вову. Он сделался задумчивым. – Сегодня собрание, а ты уезжаешь. Я должна теперь одна убегать от Дежурных.

– Возьми с собой Варю! – пошутил Вова и оглянулся, чтобы посмотреть на неё. Та улыбнулась в ответ.

– Я бы не прочь, но туда берут только с шестнадцати. Варь, извини, ты еще маленькая. Я и сама всего туда год хожу. Я вообще не вижу смысла туда ходить. Мое мнение всегда игнорируют, а тебя бы все послушали.

– У тебя появились какие—то идеи? – спросил собеседник.

– Нам нужно всем бежать, Вова. Нам больше ничего не остается. Мы либо навсегда останемся рабами, либо умрем. Мы никогда не узнаем, что такое свобода. Наш выход – это бегство.

– Нас отыщут и казнят. Я слышал, что в других городах уже кто—то пытался бежать. Это плохо закончилось. Мы не можем так рисковать, Тань, – машина остановилась, Варя выскочила, говоря пока Вова, я же осталась сидеть. Он посмотрел на меня внимательно. – Не вздумай бежать, Таня. Тебя найдут и убьют. Если ты не думаешь о себе, то подумай о сестре.

– Я боюсь, что Праведники выберут нас, – ответила я. – Особенно боится она. Мы должны убраться отсюда до их приезда. У нас такая возможность! Мы живем в том месте, где можно укрыться в лесах. Там можно выжить. Нужно со-

бирать группу людей.

– Когда я приеду, мы еще поговорим об этом, – ответил Вова. – Не говори об этом на собрании. Ты же знаешь, что есть и те, кто сочтет это безумством. Не навлекай на себя неприятности, пожалуйста.

– Ладно. Возвращайся поскорее.

Я вышла из грузовика и направилась за рабочей одеждой. Было ясно, что я опоздала на пару минут. Дежурные дали мне лопату. Без перчаток было тяжело. Этого—то они и хотели. К концу вечера у меня будут мозоли. Варя уже выдергивала лишнюю траву, а я отправилась на другой участок поля, где была не вспаханная земля. Как назло сегодня палило солнце. Я усердно работала, чтобы Дежурные не думали, что я халтурю. Чтобы не думать о боли на руках, я думала о том, как можно убраться отсюда.

Вова был старше меня на год, мы с ним начали дружить с того момента, как мы начали работать. Ему было одиннадцать, а мне десять. Сейчас мне было уже семнадцать. Наша дружба началась с того самого дня, когда на второй день работ мы попались Дежурным. Мы отдыхали и говорили о том, что наше правительство, наверное, самое худшее за всю историю планеты. Нас выпороли. Мы старались защитить друг друга. И вот года шли, а наша дружба становилась крепче. В любой момент мы могли защитить друг друга, как и семь лет назад. А сейчас мне было обидно, что он не соглашался со мной, хотя я была права, я знаю. Чтобы уговорить ро-

дителей бежать, мне нужно было собрать небольшую группу людей, которые были бы того же мнения что и я. Пожалуй, сегодня на собрании я скажу об этом.

Прозвучал гудок. Пора было обедать, я уже отбросила лопату в сторону и была на полпути к столовой, но меня остановил Дежурный. Я ненавидела этих людей, всем сердцем ненавидела. Я могла бы дать ему по голове лопатой, но меня за это вероятнее всего убьют этой же лопатой.

– За то, что ты опоздала на пару минут, ты остаешься без обеда, – объявил мне Дежурный. В ответ я просто кивнула головой и пошла снова вспахивать поле. Мне было не привыкать. Один раз я работала всю ночь только потому, что меня застучали ночью, когда я шла на собрание. Меня тогда спрашивали, куда я иду, но я молчала. И меня совершенно никак не удивляло то, что сегодня я остаюсь без еды. Иногда я не ела целыми днями, отдавая свою еду Варю. – И еще. Останешься еще на час после того, как все уйдут, – снова окликнул меня Дежурный и ушел куда—то в другую сторону.

Отлично. Надо выловить Варю и сказать ей, чтобы она меня не ждала и может съесть мой ужин. Родителям скажу, что ела сегодня в столовой два раза, так как задержалась на работах. На собрание придется идти прямо отсюда. Поскорей бы вечер. Солнце жжет спину, пот так и льется с меня. Мозоли уже дали о себе знать, некоторые из них уже начинали лопаться. Единственное, что мне нравилось в этой работе – на-

блюдать, как закатное солнце садиться где—то за горизонтом. Небо было в розовых тонах, а ветер уже начинал становиться прохладным. Бесконечная зеленая даль и оранжевое солнце. И я даже не думала в этот момент, как здесь плохо. Я думала лишь о прекрасном, о будущем, которое меня ждет, а оно было таким же, как и этот прохладный ветер, ласкающий кожу. Даже во всем этом жестоком, безжалостном мире была часть прекрасного. Несомненно, была...

2

Вечер. На небе начали появляться звезды. Возле бочки с водой я увидела Варю, и я решила подойти к ней. Взяв свободную чашку, я зачерпнула немного воды. Варя знала, что нам не разрешалось болтать на работе, поэтому не выдавала себя. Да и я не хотела, чтобы ее выпороли.

– Меня задерживают еще на час, а потом я иду на собрание. Родителей не забудь предупредить, – быстро и тихо проговорила я и пошла дальше выполнять свою работу, когда все уже уходило.

Раны на руках уже кровоточили, но я должна была молчать. Собравшись духом, я упорно начала работать. Несколько Дежурных стояли у меня над душой, что очень напрягло. Я считала про себя секунды, чтобы знать, когда уйти, иначе они могли продержаться еще пару часов. Бывало и со мной такое. Я знала все их хитрости наизусть. Поэтому старалась проводить для Вари инструктаж как можно чаще. Еще ни разу к ней не прикапывались эти уроды. Порой мне кажется, что скоро они начнут её ненавидеть только потому, что она слишком хорошо себя ведет, и начнут так же издеваться как над всеми.

– Кончай, – проговорил молодой Дежурный, который остался один за мной наблюдать, остальные, наверное, просто устали стоять. – Можешь идти, – продолжал он гру-

бым голосом. Странно, мне еще оставалось десять минут. Но я не подала виду, что удивлена. Я пошла сдавать рабочую одежду. Потом я быстро смыла с себя всю грязь под холодным душем, который нам соорудили хорошие люди, думающие о нас. Эти варвары никогда бы не догадались сделать это.

Я шла тихо, чтобы не попасться на глаза Дежурным. Яма собраний находилась далеко от полей. Надо было топтать еще полчаса. У меня урчал живот, и мне хотелось пить. Но меня воспитывали так, чтобы я всегда могла все это перетерпеть и не говорить об этом. Я старалась думать о том, что на небе были красивые созвездия, и меня обязательно выслушают на сегодняшнем собрании. Да, будь со мной Вова, меня бы выслушали без проблем, но сегодня надо постараться убедить хотя бы четверть собрания в том, что я права. Пора устраивать побег.

Собрание было абсолютно секретным. О нем не должны были знать наши родители, но я своим рассказала, чтобы они не волновались. Здесь собирались только молодые люди. Я ходила на собрания уже год и слушала, что обсуждали остальные. Основной вопрос был по поводу еды, который старались решить ребята, вывозившие товары из нашего города. Как—то раз Вова рассказал мне, что кому—то из их группы удалось захватить ящик с продуктами, но об этом договорились молчать. Эту еду отдали в столовую, где обедали рабочие. Мне нравилось, что молодые, полные сил, парни

жертвовали жизнью ради других. Они были героями среди нас, которое пытались сделать этот мир намного лучше. Я тоже хотела что—то сделать для народа, я хотела освободить их, но мне нужна была помощь.

Самый взрослый здесь был Рома, которому недавно исполнилось двадцать четыре. Он же был самый главный среди нас. И поэтому, когда я опоздала, он посмотрел на меня как на врага народа. Я не любила, когда на меня так смотрели, поэтому не опускала глаза и смотрела в упор. Одна из главных причин, почему меня никогда не слушают – моя наглость.

– Почему ты опоздала? – грозно спросил Рома. – Мы договаривались в прошлый раз, что соберемся в десять, а ты опоздала на полчаса.

– Извини, – ответила я, даже не пытаюсь объяснить причину. – Так я пройду?

– Твоя наглость порой зашкаливает, – закатил он глаза. – Проходи.

Минут десять я слушала о том, что Дежурные в последнее время совсем обезумели, отрываясь на людях. На прошлой неделе кому—то из собрания сломали руку, кто—то отделался сильными ушибами. Я даже не думала жаловаться. Мои кровавые ладони были сущим пустяком по сравнению с тем, что я слышала сейчас. Я посмотрела наверх. На первый взгляд это покажется обычным деревянным потолком, но сверху его засыпали землей и листьями, чтобы нашу яму

не могли найти Дежурные. Внутри мы забирались очень легко. Открывая маленькую дверцу на, так сказать, потолке, мы прыгивали вниз. Здесь стояли свечи, которые мы зажигали, и несколько лавок, чтобы мы могли сидеть.

– Зачем всё это терпеть? – сказала я, когда все уже молчали.

– В смысле? – не понял Рома. – Предлагаешь просто уничтожить этих варваров?

– Скоро приедут Праведники и заберут, возможно, кого—то из вашей семьи. Мы всегда будем рабами или умрем, если не сбежим отсюда.

– Отсюда невозможно сбежать! – уверенно сказал глава собрания. – Ты слышала, что было два месяца назад с теми?..

– Я слышала! – твердо ответила я. – Но мы же даже не пытались. За полями есть леса...

– За полями стоит ограждение, Таня. Еще там стоит охрана, нанятая правительством. Они ни за что не пропустят нас. Мы обречены работать и умирать. Нужно просто смириться.

– Нельзя смириться с тем, что в любой момент каждого из нас могут забрать отсюда и казнить на потеху правительству! – крикнула я. – Ты сам—то понимаешь, о чем говоришь? Это невыносимо. Мы все должны жить, мы должны быть свободны. А ты предлагаешь просто сидеть, сложа руки!

– Ты прикидываешься или ты, правда, такая чокнутая? – процедил сквозь зубы Рома. – Если мы сбежим, нас всех

убьют. Мы в любом случае обречены на смерть.

– Я никого не тороплю, но Праведники уже приезжают через неделю, – говорила я, в то время как Рома пытался заткнуть меня. – Если тут кто—то хочет жить, хочет, чтобы его близкие тоже жили, то нужно собираться уже сейчас. Нужно успеть собраться до приезда Праведников. Когда у нас следующее собрание?

– Послезавтра, – кто—то ответил из толпы.

– Отлично. Я жду ваши решения послезавтра, – ответила я и собралась уходить. – Уж лучше быть чокнутой, но свободной, Рома.

Я выбралась из ямы и пошла домой. Я так устала за сегодняшний вечер, что решила пойти медленно. Я шла пока по той территории, где не стояли Дежурные. Я смотрела на это небо, усыпанное звездами, и думала о том, что мы все тут заключенные. Мы были взаперти. Конечно, через ограждение можно было пройти, но охрана, правда, не даст нам этого сделать. Но, может быть, был один день, когда эта охрана куда—то уходила? Может, они уходили на несколько часов куда—то? Этого было бы достаточно для побега. Но я не могла бежать одна. Нужно, чтобы хотя бы еще две семьи согласились уйти отсюда.

Дома пахло чем—то вкусным, но я все равно должна была сказать, что сыта. Было уже так поздно, что все, наверное, уже поужинали. Я зашла тихо и увидела, что родители читали свои любимые книги. Вообще—то нам запрещалось чи-

тать, но стоит прочесть человеку одну книгу, как его затягивает в мир книжных приключений. Я сама читала ночами, когда не могла уснуть. Мама сейчас выглядела счастливой, а папа – умиротворенным. Варя сидела и вышивала. Когда я вошла, меня никто и не заметил. Я взглянула на кухонный стол. Свежевыпеченный хлеб. Как он вкусно пах! Я любила этот аромат.

– Есть хочешь? – спросила мама, не отвлекаясь от чтения. Потом она посмотрела на меня. У нее были голубые ясные глаза. Это унаследовала Варя. Обе они были красавицами с длинными черными волосами. У меня же были русые волосы как у папы и серые глаза. – Мы оставили тебе тарелку бульона.

– Я сегодня задержалась на работах, поэтому ела там два раза, мам, – сказала я и рухнула на диван рядом с ней. – Я устала, если честно.

– Иди поешь, Татьяна, – говорил папа. – У тебя голодные глаза. И что с твоими руками?

– Я опоздала на пару минут, мне дали лопату. И вот я натерла сначала мозоли, а потом они лопнули. Скоро пройдет, надеюсь.

– Пошли, я перевяжу тебе раны, – сказала мама, и я следом за ней пошла в ту комнату, где мы умывались. Она достала откуда—то бинт, промыла мне хорошо руки, обработала ранки какой—то жидкостью, которая жгла кожу, и перевязала больные ладони. – Я вижу, что ты пытаешься сде-

лать так, чтобы Варя не голодала, Таня. Но подумай о себе тоже. Давай на чистоту. Тебя же сегодня не кормили, да?

– Я уходила самая последняя, повариха дала мне чашку каши, которая оставалась у них в столовой, – соврала я. – А бульон подождет до завтра. Разделю его завтра с утра с Варей. Мам?

– Что?

– Если бы у нас была возможность бежать отсюда, ты бы сбежала?

– Да, – уверенно ответила мама. – Мы не можем быть вечными рабами. Когда—нибудь придет день, когда все мы выступим против правительства. Возможно, это и произойдет через несколько десятилетий.

– А что, если мы сбежим сейчас? – я взяла мамину руку и сжала её. – В лесу мы будем в безопасности. Если мы выживаем здесь, то там мы тоже выживем. Нам нужна еще небольшая часть людей, чтобы бежать...

– Таня, мы не можем так рисковать. Я бы сбежала, но у меня есть вы, – мама взяла меня за подбородок. – Я хочу, чтобы вы были с Варей свободны, но сейчас такое время, что, даже не выходя за ограждение, тебя могут убить. Будь я одна, я бы не пожалела себя, но у меня есть вы. Вы всё, что у нас есть с папой.

– Ладно, – тяжело выдохнула я. – Я пойду спать, наверное.

– Да, конечно.

Мама вышла из комнатки. Я быстро умылась и пошла

в комнату, где мы спали с сестрой. Я легла на свою кровать, но уснуть не могла. Мысли о побеге не покидали меня. Завтра тоже наймусь работать на невспаханных землях, постараюсь дойти до ограждения. Мне нужно посмотреть, можно ли пройти мимо охраны. Должен быть выход. Он точно должен быть.

3

Ночью был сильный ветер. Такой сильный, что казалось, мы останемся без крыши над головой. От этого я проснулась и пошла попить воды. На часах было уже около 4:00. И вдруг в нашу дверь постучали. Дежурные редко когда так заходили. И все—таки надо было открыть дверь.

– Тебя заметили, – да, это был Дежурный. Они всегда одевались в специальную синюю одежду, посланную им от правительства, чтобы они смогли отличаться от рабочих. – Работаете сегодня с 5:00, – я вглядывалась в лицо Дежурного, оно было мне знакомо. – Ты меня слышала? – и знакомый грубый голос. Только кто это?

– Но рабочий день начинается ровно с 6:30 у взрослых, а у остальных с 8:00, – отвечала я. За это мне могли запросто дать пощечину, но этот варвар вроде был сдержаннее остальных таких же уродов.

– Послушай, – с раздражением отвечал на вид молодой Дежурный. Он выглядел примерно как Вова. – Я видел, как ты поздно вечером возвращалась домой. Если ты сейчас не отправишься на поля, у тебя будут большие неприятности. Думаю, ты не хочешь, чтобы именно тебя забрали Праведники на следующей неделе.

– Хорошо, я поняла, – ответила я и уже начала закрывать дверь. – Может, вы уйдете?

– Если ты будешь одна шарахаться по улицам в такое время, то другие Дежурные занесут тебя в список. Так что шевелись, и пошли.

Я быстро оделась и вышла из дома. Я даже не успела сделать хвост. Меня буквально подгоняли через каждые пять секунд. В животе урчало так, что на меня странно покосился Дежурный. Он так же объявил мне, что сегодня я тоже остаюсь без обеда и работаю лопатой. Настроение мое сразу упало. Еще на улице был ужасный ветер. Собирались тучи. Днем или вечером польет дождь. Но с другой стороны, я сумею вспахать все поле и дойти до ограждения. Да, у меня появилось намного больше времени, чтобы изучить охрану и наиболее слабые места ограды.

Выпив немного воды из бочки, и взяв лопату, я пошла за Дежурным. Он мне дал другой участок, подальше от предыдущего. Для меня же лучше; раньше доберусь до ограждения. Было еще темно. Начинало всходить солнце. Хорошо, что руки у меня были перебинтованы. Теперь было не так больно, как вчера вечером. Я работала усердно и быстро, потому что у меня была цель. Через час начали подходить женщины и мужчины. Они выстраивались шеренгой и слушали, кто сегодня на какой участок идет работать. Они смотрели на меня с каким—то состраданием, и кивали мне как—то сочувственно головой. Я кивала им в знак приветствия. Вообще—то все мы здесь были доброжелательные, никогда не оскорбляли друг друга и не унижали, у нас ред-

ко когда устраивались драки, мы все старались жить в мире и гармонии.

Еще через два часа подошли остальные. Среди них была Варя, которая смотрела на меня, поджав свои красивые губы. Я улыбнулась ей, чтобы она не волновалась понапрасну. Мои русые волосы лезли мне в глаза, так как дул сильный ветер. Но я старалась не обращать на это внимание и шла, вспахивая землю, дальше. За мной наблюдал один Дежурный. Я была не одна такая. Над некоторыми тружениками тоже стояли персональные Дежурные, остальные же наблюдали издалека. У меня над душой стоял все тот же надзиратель. Я не знала, почему. Может, я вызывала какие—то подозрения? Или в чем—то провинилась? Такое пристальное внимание! Меня это раздражало. Проблема в том, что я даже не могла заикнуться о том, что меня что—то не устраивает. Здесь все терпели унижения и ничего не смели сказать против. Этому когда—нибудь должен прийти конец.

– Ваша охрана вечно стоит у ограждения? – осмелилась спросить я у Дежурного. Его лицо вытянулось от удивления, но потом он снова надел на себя серьезный вид. – Просто, вы отойдете, а они расстреляют меня на месте за то, что я просто близко подошла.

– Ты слишком много болтаешь, – сурово отвечал надзиратель. – Работай тщательнее, у тебя остаются огромные куски земли!

Ясно, что мне никто не ответит на этот вопрос. И думаю,

больше не стоит задавать такие вопросы, а то я точно вызову какие—то подозрения.

Время так быстро шло, что я даже не сразу услышала гудок. По привычке я уже хотела отбросить работу, но на меня смотрел Дежурный. И не надоело ему так стоять надо мной целый день? В моем животе стало урчать еще сильнее. У меня даже уже слюна не скапливалась, поэтому я пошла просто попить воды. Когда я вернулась, то увидела, что Дежурного не было. Я начала работать в два раза быстрее. Солнце не пекло как вчера, но дул сильный ветер, собирались тучи. Вскоре на меня начали падать капли. Начался дождь. В грязи было невозможно работать, поэтому рабочих отпускали сегодня пораньше. Но не меня. Да я и сама пока не собиралась. Мне оставалось совсем немного. Почти добравшись до границы, я услышала, как кто—то зарядил ружье.

– Эй, всё в порядке! – кричал охране надзиратель. – Она под моим присмотром! – он рысцой добежал до меня.

– Я же говорила, что меня могут расстрелять, – ворчала я. Тем временем ружье опустили, и я смогла снова спокойно работать. Я украдкой поглядывала на охрану. Их было много, поэтому шансов убежать почти не было. И всё—таки они не всегда же стояли на своих постах. И ограждение. Вот оно бы хлопот не доставило. Здесь не было колючей проволоки. Достаточно было перелезть, и я бы уже была в лесу, который сейчас меня так и манил. Мне казалось, что я уже чувствую запах сосен и елей. Но потом мысленно я вернулась

обратно. Я вся промокла и продрогла. Ладони снова начали кровоточить. Бинты уже были красными от крови.

Я еще полчаса вспахивала земли, и еще десять минут шла к началу полей. Мой Дежурный, наконец, отстал от меня, и я могла спокойно пройтись и отдохнуть. Положив лопату, я отправилась в душ. Я была вся в грязи. Потом я как всегда сдала свою рабочую одежду и пошла спокойно домой. Вернулась я до прихода родителей. Варя уже сама готовила ужин.

– Привет стажеру на кухне! – сказала я ей. Она улыбнулась мне и кинулась обниматься. – Ладно, я пошла переоденусь пока.

– Я уже приготовила тебе есть, давай быстрее, пока не остыло! – крикнула мне сестра из кухни, пока я переодевалась. Когда я вернулась, на столе меня ждал ужин. – Мама, наверное, до сих пор нервничает. Как—то всё странно это.

– Обычно Дежурные наказывают нас сразу, на месте происшествия, – говорила я, пережевывая пищу. – А тут за мной пришли рано утром. Это, правда, странно.

– Попроси потом маму, чтобы она тебе снова перевязала раны, – Варя кивнула в сторону моих рук. – Зачем ты вспахивала земли у ограды?

– Я думала, что найду какой—нибудь выход, чтобы бежать, – ответила я правду. – Я же знаю, что ты тоже не хочешь быть все время взаперти от окружающего нас мира.

– Но как, если охрана постоянно стоит на постах?

– Скоро придет Вова, мы обязательно с ним поговорим,

Варя, – серьезно ответила я. – Ладно, я пойду спать. Скажи родителям, что я сегодня очень устала.

Я поцеловала Варю в щеку и пошла в нашу комнату. В этот вечер я уснула сразу, стараясь думать о чем—то хорошем. О свободе, которая нас ждала.

Но и этой ночью мне не удалось поспать нормально. В окошко кто—то стал кидать камушки. На часах было 3:00. Издевательство. Я посмотрела в окно. Это был Вова. Я улыбнулась. Тут же накинула на себя одежду и выбежала радостная на улицу. Я кинулась ему на шею, и он обнял меня в ответ. Прошло какие—то два дня, а мне так его не хватало. Он постоянно был со мной рядом.

– Пошли—ка в другое место, а то тут один Дежурный всё время ошивается, – тихо произнес мой друг, и мы пошли в укромное местечко. Оно было там, где я работала. Ночью Дежурные уходили отсюда и ходили между домами, выслеживая нарушителей режима. Мы прятались все время в одной из теплиц, потому что там всегда было тепло. Нужно было лезть через забор. Вова всегда помогал мне перелезть, так как я была не такой высокой как он. И вот сейчас он с легкостью помог мне и перелез сам. – Черт, здесь так сыро! – тихо ворчал он.

Мы быстро добрались до теплицы и сели там на пол. Здесь было так тепло, что я невольно улыбнулась от удовольствия. Вова достал фонарь. А вот у меня фонаря не было. Они были только у Дежурных и тех, кто вывозил товары. В свете я уви-

дела его лучезарную улыбку, и улыбнулась в ответ. У него были ореховые глаза и каштановые волосы. Признаться, он всегда выделялся красотой среди парней. Его родители говорили ему уже о том, чтобы он женился на какой—нибудь девушке. Но он даже об этом не задумывался. Хотя в городе у нас было много красивых девушек, причем из хороших семей.

– Нам удалось на этот раз еще загрузить три лишних ящика! – восторженно начал друг. – Надеюсь, их хватит, чтобы в столовых была еда получше.

– Тебя не было два дня! – воскликнула я. – Давай, ты будешь ездить быстрее, а? – добавила я шутя. – Есть какие—нибудь новости с других городов?

– В одном месте расстреляли десять человек за то, что они близко подошли к ограждению. В нескольких городах люди начали умирать от голода. Правительство совсем зажралось! Это должно прекратиться.

– Я хотела кое—что у тебя спросить. Должен же быть хотя бы один день, когда охрана не находится на постах?

– О, Господи! Таня! – закатил глаза Вова. – Я думал, что за два дня ты перестанешь думать о побеге. Еще никому не удавалось сбежать и остаться в живых. Даже если ты захочешь сбежать одна, я не дам тебе этого сделать. Ты поняла? – сурово спросил он.

– Лучше быть мертвой, чем заключенной, – тихо ответила я. – Вместо того, чтобы выживать, мы должны жить. Мы

заслуживаем этого.

– Возможно, ты и права, – вздохнул Вова. Вдруг раздались чьи—то шаги. – Тихо.

Мы прижались к полу, в то время как кто—то ходил по полям с фонариком и что—то выискивал. Видимо кто—то заметил, как мы перелезали через забор. Я старалась дышать тихо, чтобы меня не было слышно. Но вместо этого я начала сопеть так, что Вова зажал мне рот и нос ладонью. Еще несколько минут кто—то бродил возле теплицы, но потом все—таки ушел.

– Как думаешь, он вернется? – спросил шепотом друг, лежа на полу вместе со мной. Мне вдруг стало смешно. Я засмеялась. – Таня! Перестать смеяться, а то он точно вернется, – но Вова тоже залился смехом. – Ладно, я принес кое—что, – он достал из кармана куртки два яблока и протянул мне. Я смотрела на эти яблоки с таким восхищением, что даже не могла взять их в руки. – Тань, возьми, пожалуйста. Можешь не есть их сама, но уверен, Варя обрадуется, когда ты принесешь их домой. Подумай о ней, она так редко видит такие вкусности!

– Хорошо, – выдохнула я, протягивая руки.

– Постой, что с твоими руками? – спросил Вова, давая мне яблоки. – И не говори, что это случайность. Я тебя знаю, ты, как всегда, будешь отнекиваться.

– Хорошо. Я работала два дня подряд лопатой и без перчаток.

– А еще у тебя круги под глазами, – констатировал Вова. – Ты опять ночью не спала?

– Дежурные решили оторваться на мне. Я работала с пяти утра без обеда. Перестань быть таким наблюдательным. Меня это раздражает, – я улыбнулась ему. – И все—таки. Ты же знаешь, когда охраны нет у ограждения. Я вижу это. Ты точно знаешь.

– Я боюсь, что ты вот так просто исчезнешь, и я никогда больше тебя не увижу, – признался он. – Будет отлично, если ты останешься в живых. Но я боюсь, Таня, что ты просто испаришься. Оставишь меня. Мы с тобой всегда были вместе, с детства. Я согласен на все, чтобы у тебя все было хорошо. Но дать тебе умереть я не могу.

– Мы сбежим вместе, Вов, – тихо ответила я. – Просто уговори своих родителей идти с тобой. Пожалуйста. Ты всё прекрасно знаешь. Скажи мне.

– Когда приезжают Праведники, охрана вся собирается в центре города, чтобы никто не смог сбежать. Ограждение остается без охраны только в этот день, – тяжело говорил мой друг. – Таня, обдумай все хорошо, прежде чем бежать. И не совершай глупостей. У тебя осталось пять дней до их приезда.

– В нашем городе сорок тысяч человек. Я уверена, что меня не выберут и в этот раз. И тебя тоже. В этот день нужно сделать так, чтобы охрана отвлеклась на время. Мы воспользуемся этим и сбежим.

– Ладно. А теперь надо уходить, скоро придут Дежурные.

Я положила яблоки в карман кофты, и мы вышли из теплой теплицы. Он также помог мне перелезть через забор, а потом мы быстро добрались до моего дома, но не прощались. Сегодня Вова будет тоже работать на полях. Для меня это будет хорошо; будет не так скучно. Он извинился за то, что так поздно разбудил меня. Потом мы договорились вспахать поле вместе до границы, чтобы обсудить кое—какие детали. Было просто замечательно, что он согласился бежать.

4

Я тихо зашла в дом. Все спали. Я положила яблоки на стол и отправилась спать, хотя было где—то уже 5:00. Мне встать через час. Я еще надеялась на то, что смогу выспаться. Варя немного сопела, но я привыкла к этому. Только положив голову на свою подушку, я сразу уснула. И, по—моему, проспала.

– Подъем! – раздался чей—то грубый голос. Потом меня окатили холодной водой. Быстро взглянув на часы, я поняла, что работы на полях уже шли полчаса. Потом я перевела свой взгляд на того, кто меня разбудил. Дежурный. Снова этот варвар, из—за которого я не обедала и пахала поле под дождем. Его лицо было размытым, так как из—за воды я ни черта не видела. – Может, ты уже отправишься на работу?

Я ничего не ответила, только выжала свои волосы, заплела их быстро в косу, оделась и вышла вместе с Дежурным, который подгонял меня, немного толкая. Почему меня не разбудила Варя? Ох, и влетит ей за это. У надзирателя был огромный шаг, поэтому мне приходилось чуть ли не бежать за ним. Несколько раз я споткнулась и падала в грязь, но это вообще никак не волновало его. Да о чем это я! У них ведь совсем нет души. Не было в них ничего человеческого. Когда я шла рядом с ним, то думала о яблоках. Если бы он увидел их, он бы непременно начал расспрос о том, откуда я их взяла.

Наверное, мама их спрятала от греха подальше.

Придя на поля, мне сразу дали лопату и отправили снова вспахивать поле. Кажется, оно никогда не закончится. Недалеко от меня работал Вова, который смотрел на меня исподлобья. Он чувствовал себя виноватым в том, что это я проспала. Странно, что Варя меня не разбудила. Вот на кого я была в обиде. Она сегодня снова выдергивала сорняки у растений. Не отдавай мы их правительству, жили бы припеваючи. Здесь была кукуруза, помидоры, огурцы, картофель, свекла и всё, что душе угодно. Но мы питались какой—то бурдой, которая была не всегда съедобной.

Мои руки ужасно болели, но перчатки я просить не стала. Мне было холодно, потому что я была мокрой. Утро добрым не бывает, это точно. Этот гребаный Дежурный все время делал мне какие—то замечания, в то время как я скрипела зубами, чтобы не сказать чего лишнего. Он каждый раз пытался запугать меня тем, что я попаду в какой—то список, и Праведники заберут именно меня. Наконец, где—то через час он отстал от меня. Вова через минут десять добрался до меня со своей лопатой. Он дал мне свои перчатки. Я сначала отказывалась, но потом он все—таки заставил их надеть. Сначала мы работали молча, чтобы не привлекать внимание Дежурных. Потом мы добрались до того места, где хорошо было видно ограждение.

– Перелезть будет удобно там, где у них стоят решетки, – говорил тихо друг. – Нужно будет быстро бежать до конца

полей. Тут километр, не меньше.

– Я не уверена, что Варя потянет, – шепотом произнесла я. – Ладно. Их же надо будет как—то отвлечь.

– Нужно будет устроить пожар по близости, чтобы они его увидели и направились прямо туда. Чтобы не попасть под расстрел, скорее всего, надо будет не идти на площадь.

– Надо где—то переждать ночь. Они же каждый раз приходят за нами, призывая к Праведникам, – говорила я. – Но где провести целую ночь?

– Может, в яме? – предложил Вова. – Хотя, нет. Рома, наверняка будет против, если узнает о том, что мы решили сбежать...

– Вообще—то уже узнал, – сказала я и закусила губу. Вова как всегда закатил глаза. – Он против.

– Хорошо, – процедил сквозь зубы друг. – Мы можем перекантоваться в одной из теплиц.

– А тебе не кажется, что Дежурные здесь тоже иногда ходят и утром они все проверяют?

– Ладно, ладно...

– А в заброшенном доме? – спросила я и посмотрела в сторону домика, в котором давно уже никто не жил. Всех его жильцов когда—то тоже забрали Праведники. – Можно переждать там ночь и день, а потом...

– Что потом? – это была Варя.

– Ты еще громче поори, – укоризненно сказала я сестре. – И вообще, почему ты меня не разбудила?

– Мама сказала, чтобы ты поспала еще, а потом сама встанешь и пойдешь на работы.

– Отлично. Ладно, иди работай. Не привлекай внимание.

Варя ушла обиженная. Да, погорячилась я. Мы с Вовой пока больше не разговаривали. Меня потом снова отправили на другой участок поля без него. Мы переглядывались иногда, и это, кажется, заметил один из Дежурных. Он подошёл ко мне и снова сказал, что я сегодня без обеда. Издевательство. А еще потом собрание. Я молча кивнула и продолжала дальше работать. В перчатках было не так больно. Но из вежливости я через каждый час отдавала их Вове. Потом снова гудок. Все пошли есть, а я нет. Снова. И еще пекло солнце. Я думала, что когда—нибудь упаду в обморок на этих работах, но тут некому заботиться о моем здоровье. Здесь всем будет наплевать, так что надо как—то держаться. Я оглянулась вокруг. Было пусто. Никого. Я отбросила лопату и пошла попить воды.

– За то, что ты опоздала на работы, ты должна работать! – раздался не далеко от меня грубый голос. Тот молодой Дежурный. Господи, как он меня достал.

– Я всего лишь хочу попить воды, – как можно спокойнее ответила я. – Можно мне попить воды?

– Быстро.

Я отвернулась от него и подошла к бочке с водой. Я покосилась на него. Он смотрел на меня так, как будто хотел сожрать. Если я хочу сбежать, я должна отомстить таким как

он. Хотя как я это смогу сделать? Лучше просто все стерпеть, всё равно я потом их больше никогда не увижу. Надеюсь.

– Все. За работу! – снова грубо сказал он мне.

Через минут двадцать все стали нехотя выходить из столовой и начинали работать. Я посмотрела на Варю, которая сегодня была не в самом хорошем расположении духа. Потом ко мне подошёл Вова. Я посмотрела на Дежурного, который наблюдал за мной все время. Поэтому мой друг отошел от меня. Так я и работала одна до заката. Солнце садилось за лесами. Я откинула лопату и смотрела на него. Оно было оранжевым. И этот цвет стал с детства для меня цветом свободы. Странно, что меня никто не трогал. Ведь я не работала где—то десять минут. Все начали уходить. Станным было и то, что сегодня я не работала еще час после окончания работ. Я как всегда сдала свою рабочую одежду, сполоснулась в душе и ждала Варю. Я улыбнулась ей, но она выглядела хмурой. Через две минуты подошёл Вова, и мы втроем отправились домой.

– Варя, что стряслось? – спросил он у нее. Она посмотрела на меня и тут же отвернулась. – Варь?

– Почему вы что—то обсуждаете, а как только я подхожу, вы начинаете молчать? – понятно. Детская обида. – Я уже вполне взрослая. Неужели я не имею право знать того, о чем вы все время болтаете?

– Конечно, имеешь.

– Варя, – начала я. – Об этом не надо кричать на работе.

Ты бы привлекла внимание Дежурных. А ты хочешь, что бы меня или Вову записали в список, а потом забрали Праведники?

– Нет.

– Вообще—то мы с тобой на эту тему уже разговаривали, – напомнила я ей. – Мы готовимся к побегу, вот и всё. Мы просто с Вовой обсуждали все детали. Впредь, пожалуйста, больше никогда не вступай в разговоры без причины. Это все может плохо кончиться. Ты меня поняла?

– Да, Тань, поняла.

Мы дошли до нашего дома. Варя сказала Вове пока и убежала в дом.

– Я найду, когда нужно будет идти на собрание.

– Хорошо, – ответила я.

Как было хорошо дома. Но скоро меня здесь не будет. Я больше не вернусь сюда.

Яма собраний. Вообще—то их было четыре в городе. Но мы были в той яме, где был главным Рома, он же был самым старшим. Но он никак не мог быть главным. Он же не прислушивается к мнению других, а делает только по—своему. Этим—то он меня и раздражал.

– Четыре дня! Четыре дня! – кричала я на собрании. – Рома, осталось четыре дня! Ты как знаешь, а я уйду. Невозможно здесь оставаться вечно. Ты когда—нибудь слышал о путешествиях и приключениях? А ты хоть раз бывал в лесах? Хоть раз ты выходил за пределы ограждения?

– Раз так, тогда ты больше не член нашего собрания! – сорвался на меня Рома.

– Пф! А много ли я потеряю? Ты тут всем навязываешь свое мнение, не давая высказаться! Чертов кретин! – крикнула я. Вова старался меня сдержать. – Кто уходит со мной? – все молчали. Я смотрела на их перепуганные лица и думала, что все они трусы. – Хорошо. Никто так никто.

Я вышла из ямы и пошла домой. Я была зла и поэтому забыла о всякой осторожности. Я шла быстро, сжав кулаки. Кто—то догонял меня, потом взял меня за локоть. Мне было наплевать на то, что это мог быть Дежурный. Я взяла и врезала кому—то кулаком по лицу. Потом пригляделась. Это был Вова.

– Извини, Вов! – про всякую злобу я тут же забыла. – Сильно больно? – как выяснилось, у него была разбита губа. – Да ты сам виноват! Дальше бы сидел на этом чертовом собрании! А! Этот Рома разозлил меня! Ладно, он и так рано или поздно сдохнет, – успокоилась я.

– Где мы будем устраивать пожар? – спросил Вова, когда мы шли до моего дома. – Мне кажется надо поджечь дом Дежурных.

– Да, точно. Но кто из нас это сделает?

– Я, конечно! – сказал Вова. – Пока я буду поджигать дом, вы все убежите, а потом прибегу я. Я быстро бегаю, ты же знаешь.

– Ладно, до завтра, – сказала я и зашла в дом.

Даже не ужиная, я завалилась на постель и уснула.

5

6:00. Встала я теперь вовремя. Варя еще спала, а родителей уже не было дома. Я застелила постель, толкнула легонько сестру и пошла умываться. Затем мы с Варей как всегда позавтракали и пошли на работы. Всё было как всегда. Как долго можем мы жить однообразием? Эти бесконечные будни, которые повторяются. Постоянно. Всегда.

Я работала, все работали. Как всегда в конце работы я смотрела на закат, и только это мне не надоедало, потому что в природе есть что—то такое, что заставляет нас наслаждаться ею вечно. Потом еще работа, потом дом. Родители. Они были спокойными, и Варя тоже. Кусочек яблока каждому, все остальное на завтра. Мы сидели все за столом, и мне нужно было поговорить с ними на счет побега.

– Я не буду больше здесь жить, – начала я. Все уставились на меня. – Просто я так больше не могу. Либо мы бежим все, либо я сбегаю отсюда одна. Каждый день одно и то же. Каждый день это гребанное рабство.

– Ты не сбежишь отсюда, – уверенно сказал папа. – Повсюду охрана, Дежурные. К тому же Праведники скоро приезжают. Сейчас охрана работает в два раза тщательнее.

– Мы уже все продумали...

– Кто «мы», Таня? – спросила мама. – Вы с Вовой? Ты хотя бы его не подставляй.

– Нет. Мы либо уходим все, либо я уйду с Варей, – твердо сказала. – Вся охрана собирается в центре. В этот день, когда приезжают Праведники, охраны нет у ограждения. Чтобы спокойно пройти в лес, достаточно переждать где—то ночь. Потом Вова отвлечет охрану, устроив пожар, и те, кто хотел бежать, тоже сбегут. И мы в том числе.

– Таня, мы уже привыкли к такой жизни. И если ты хочешь бежать, то беги, но нас ты больше не увидишь, – говорила мама. – Я не пытаюсь тебя удержать, просто предупреждаю, что нас больше не будет рядом. Вот что ты должна понять.

– Я понимаю, – так же твердо сказала я. – Поэтому, когда Праведники приедут, я уйду отсюда. Навсегда.

– Хорошо, – грустно выдохнула мама. – Если ты хочешь свободы, ты её получишь, Тань.

– Это тяжело, – говорил папа. – Но я тоже хочу, чтобы у вас было хорошее будущее. Не здесь, не в этих условиях. Я имею в виду свободный мир, в котором вы будите жить. Как не тяжело мне это говорить, но я тоже отпускаю вас.

– Спасибо, – тихо ответила я.

Я лежала на своей кровати и смотрела в потолок. Я не могла уснуть, так как разные думы так и лезли ко мне в голову. Теперь все изменится. Я навсегда оставлю родителей и начну жить настоящей жизнью, о которой всегда мечтала. Я так и видела, как мы с Варей ходим по лесу и собираем ягоды, разжигаем костры. Я видела идеальный, свободный мир.

Возможно, Варя сейчас видела это все во сне. И она совсем не понимала, что оставит родителей навсегда, оставит этот дом, эти места. Она поймет это, когда мы будем уже далеко—далеко отсюда. А пока она спокойно спала и ни о чем серьезном не думала. Рано или поздно она повзрослеет, но не сейчас. Я не дам ей этого сделать. У нее должно быть то, чего не было у меня. У нее должно было быть детство. Мы построим с ней домик на дереве и будем говорить о всяких беззаботных мелочах, мы будем купаться в каком—нибудь озере и брызгаться водой, мы будем смеяться так, как никогда не смеялись.

– Тань, ты спишь? – это была мама. Я поднялась на кровати, чтобы мама увидела, что я не сплю. Она села на край моей кровати и взяла мою руку. Мы сидели так где—то минуты две, ничего не говоря друг другу. – Неужели, ты, правда, собралась уходить?

– Да, мам, – ласково сказала я. – Здесь стало невыносимо! Постоянно тобой командуют, заставляют работать, у тебя нет другого выбора, кроме как подчиняться правительству. Эта жизнь не для меня, мам.

– Я более чем уверена, что у тебя все получится, детка, – её голос дрожал. Она вот—вот разрыдается, и от этого мое сердце разрывалась. – Мне даже не верится, что уже через четыре дня здесь не будет ни тебя, ни Вари. Здесь станет слишком пусто, непривычно.

– Мама, ты не должна плакать, ты должна радоваться то-

му, что мы, наконец—то, станем свободными. Мы будем жить так, как желают жить многие люди. Мы с Варей всегда будем рядом, я позабочусь о ней.

– Ты очень быстро повзрослела! – сказала мама, и по её щеке пробежала слезинка. Но она тут же взяла себя в руки и улыбнулась мне. – Это очень тяжело. Я не могу просто так взять и отпустить вас, Таня!

– Мы не прощаемся, – сказала я и улыбнулась ей. – Кто знает, может, мы еще когда—нибудь встретимся и будем снова все вместе. А теперь иди спать, мама. Если хочешь, поговорим об этом еще завтра.

– Хорошо, – она поцеловала меня в лоб и ушла, закрыв за собой дверь.

Я не спала всю ночь после этого короткого разговора. Солнце уже заглядывало в окно, я слышала, как родители уже собирались на работу, потом за ними закрылась входная дверь. Было 5:00. А я надеялась выспаться за час. Я уснула, но потом меня кое—как разбудила Варя. А дальше все по расписанию. За завтраком мы разговаривали теперь о побеге. Дальше мы шли на поля и работали до седьмого пота. Потом обед. Я сидела рядом с Вовой, который пытался развеселить меня, но я оставалась серьезной. После обеда снова работа под присмотром Дежурных. Закат. Я как всегда стояла десять минут и смотрела на оранжевое солнце. Скоро я увижу его другими глазами. Глазами свободного человека, а не заключенного. Меня никто не трогал в эти минуты, это

было странно. За то, что я просто стояла и ничего не делала, на меня могли спокойно наорать и ударить, но меня будто не замечали эти Дежурные. Когда небо переставало быть розоватым, и на нем начинали появляться первые звезды, мы все сдавали инструменты и рабочую одежду, а потом шли домой. Сначала мы все трое молчали. Никто не говорил.

– Ты поговорила с родителями? – спросил вдруг Вова. Я молча кивнула головой. – Что—то не так?

– Они не согласились идти с нами, но отпустили, – грустно произнесла Варя. – Да, они нас отпустили...

– А что твои сказали? – спросила я друга и посмотрела на него.

– Они согласны, – ответил он. Мы уже подошли к дому. Варя попрощалась с Вовой и забежала в дом. – Все в порядке? – спросил он через несколько минут, когда мы стояли возле моего дома.

– Давай ночью встретимся? – предложила я.

– Таня, ты совсем не спишь, – серьезно говорил Вова. – Но если ты хочешь, то да, конечно. Я позову тебя.

– Отлично, – попыталась улыбнуться я.

Дома было всегда хорошо, несмотря на всю его бедность. Было здесь то, чего я больше не почувствую нигде. Даже не верилось, что меня здесь больше не будет. Всё это будет находиться в прошлой жизни, а у меня тем временем будет идти новая. И всё—таки сложно оставлять прошлое, это все равно, что оставить часть себя, потерять ту часть души, кото-

рая теперь навсегда останется здесь. Я даже сейчас чувствовала непонятную пустоту. Я всё так же стояла у дверей, а Варя выходила из комнаты. В руках у нее было что—то. Она подошла ко мне. Я улыбнулась. Это была наша с ней кукла. Мы вместе её делали из травы.

– Я думаю, её нужно взять с собой, – Варя улыбнулась мне грустной улыбкой. – Знаешь, это будет нам напоминать о доме и родителях. Все хорошие воспоминания будут здесь, Таня.

– Да, ты права, – улыбнулась я ей. – Ладно, давай—ка подготовим ужин.

Потом пришли родители. Мы старались говорить о всяких мелочах и не думать о том, что скоро мы должны были расстаться навсегда. Мама так же разговаривала со мной перед сном. Она пыталась улыбаться, но вместо этого её голос дрожал, и она чуть ли не плакала. Что я могла ответить на эти слезы? Я не могла сказать ей, что останусь. Я не могла. Я молчала, выслушивая то, что мне совсем не хотелось слышать. Этот плач разрывал мне сердце, и я готова была сама разрыдаться. Но не сейчас, не на глазах у мамы. Ей не должно быть больно.

Я не спала. Варя тихо сопела, родители ужа давно спали. Я уже тихо одевалась, ожидая прихода Вовы. Я посмотрела на себя в зеркало, которое было у нас в доме. Я выглядела уставшей. У меня были огромные фиолетовые круги под глазами, кожа была очень бледной. Я тяжело вздохнула и напра-

вилась к окну. Оказывается, Вова уже собирался кидать камушек в него. Я улыбнулась ему и вышла из дома. Было так темно, что мне пришлось искать друга на ощупь. Но вместо этого я упала.

– Т—с—с! – раздался голос над ухом. Потом Вова помог мне встать. Первое время мы стояли и привыкали к темноте. Прошла где—то минута. Теперь я разглядела его. – В теплицу?

– Нет, – ответила я. – Нам нужно посмотреть тот заброшенный дом. А следующей ночью понесем туда запасы.

– Да, хорошо.

Мы шли тихо и бесшумно. Иногда мы перекидывались парочкой фраз, чтобы не потерять друг друга. Фонариком Вова не пользовался, потому что это было слишком рискованно. Мы почти добрались до места, как кто—то пошёл в нашу сторону. Я боялась того, что это мог быть Дежурный. Мы стояли как вкопанные, не зная, куда можно спрятаться. По очертаниям, которые я видела в темноте, это был мужчина. Это был наверняка Дежурный, я была уверена, что это он на восемьдесят процентов, так как в этом районе парни редко выходили ночью из домов, а Дежурные все время ходили по ночам. И вдруг он на миг включил фонарь и направил на нас. Я успела только сильно испугаться и увидеть глаза этого Дежурного. Они были голубыми. И выглядели они яркими. Могу поспорить, что я их где—то видела. Я не успела разглядеть человека, так как он тут же выключил фонарь

и пошёл дальше своей дорогой. Мы с Вовой еще минуты две стояли в молчании, переваривая все то, что сейчас было.

– Это... был Дежурный? – спросил меня Вова. Он был потрясен не меньше меня. Мы стояли лицами друг к другу, и я слышала, как тяжело он дышал.

– Да, похоже на то, – ответила я тихо, и мы двинулись дальше. – Это странно. Правда, странно.

Но Вова мне не отвечал, я только слышала его шаги. Я начинала видеть очертания дома, к которому мы шли. Если честно, то я и не очень—то хотела идти туда. Ведь в этом доме тоже когда—то жили обычные люди, и их всех убило правительство. Теперь только и остался от них этот старый дом, который должен был нам помочь. Я не хотела ощущать эту пустоту, которая там должна была быть. И, наверное, входя в чужой дом, пусть уже и пустой, чувствуешь какое—то угрызение совести, будто ты зашел в дом, в котором на самом деле жили люди. Будто нарушаешь покой душ, которые обитают в этом доме. Но мне нужно было его осмотреть. И вот мы совсем близко к нему подошли. Калитка ходила туда—сюда от ветра и скрипела. Окна были разбиты, а старый двор уже давно порос травой. А трава эта была где—то по колено.

– Это довольно странно, – говорил Вова, идущий впереди меня. – Кто—то был здесь совсем недавно. До дома протоптана тропинка. Видишь? – я выглянула из—за его спины и убедилась в том, что он говорит правду. – Что если там Дежурные? – спросил он немного погодя. Мы стояли в этой

траве и смотрели друг другу в лица. Дул ветер, который наверняка пытался отрезвить меня. Я почти спала на ходу. Вова снова повторил свой вопрос.

– Им здесь определенно нечего делать, Вов, – ответила я ему. – У них богатые дома! Не будут же они здесь тусоваться. Это нелогично. Так что давай иди дальше!

Мы зашли в этот заброшенный дом. Тут была только тьма.

Вова включил свой фонарь. Все было таким мрачным, что мне стало не по себе. Сначала я увидела деревянный стол и несколько стульев. Здесь жила семья. Под ногами скрипели уже прогнившие доски. Мы стали продвигаться дальше. Умывальная комната, где стояли заржавевшие тазы. Потом чья—то спальня, в которой стоял небольшой комод и кровать. Я пошла к пыльному комоду. Я попросила Вову осветить мне. Открыв первый ящик, я обнаружила, что там лежали вещи, их было немного, они были старыми и серыми, впрочем, как и все в этом доме. Во втором тоже была одежда, но она была меньше по размерам. Наверное, это были детские вещи. Тут же лежали фотокарточки. Я достала их. На одной из них была маленькая девочка с косичками, державшая в руках букет ромашек, которые, скорее всего, росли возле этого дома. Она мило улыбалась, и я улыбнулась ей в ответ.

– Как можно было убить ее? – сказала я. – Это настоящее варварство. Так нельзя. Неужели у людей, правда, не осталось сострадания? – я перевернула фотографию. С другой

стороны было что—то написано. — Она была самой первой.

— В каком смысле? — спросил Вова и подошел ко мне вплотную, чтобы рассмотреть фотографию.

— Тут написано, что эта девочка, Настя, была первой, кого забрали из этой семьи. Ее забрали десять лет тому назад. Ты только посмотри, какой она была красавицей! — я снова перевернула фотографию и показала Вове изображение девочки. — Сейчас ей было бы примерно столько же, как и нам.

— Тут еще фотографии, — друг взял из стопки еще одну фотокарточку. Я придвинулась к нему поближе, чтобы рассмотреть ее. Молодой красивый парень, у которого была лучезарная улыбка. Он стоял возле этого дома, сложив руки на груди. На вид ему было столько же, как и Володе. — Он был следующим. Его забрали на полгода позже сестры, — пояснил друг. — Ему было девятнадцать, когда за ним приехали Праведники.

— Это, наверное, их мама, — сказала я, показывая следующую фотографию. — Она умерла через год после гибели своих детей. Последним оставался ее муж, который неизвестно когда умер. Видимо, он и записывал даты смерти на этих фотографиях. Почему мир так жесток?

— Мира уже давным—давно нет, Таня, — тяжело вздохнул Вова. Он отошел в другую сторону и что—то проверял. Потом он подошел к кровати. — Тань, пошли—ка отсюда.

— Что там? — спросила я и подошла к нему. — Что? Одежда Дежурного? Что она здесь делает, черт возьми? На ней нет

пыли. Она здесь недавно. Что за?..

– Думаешь, кто—то из них здесь бывает? – спросил Володя.

– Конечно, нет! – запротестовала я. – Что им здесь делать? Но тогда откуда взялась эта форма? Я теперь не уверена на счет того, что тут можно переждать ночь. Если сюда иногда заходят Дежурные, нам здесь определенно нечего делать.

– Тогда что теперь? Где мы переночуем? А еще надо где—то хранить запасы.

– Тогда мы должны переждать ночь все—таки в своих домах. А там мы как—нибудь выкрутимся, я уверена.

– Таня! Выкрутимся – это не для нас. Нам нужен определенный план, – Вова сел осторожно на рядом стоящий стул и включал—выключал фонарь. – Согласись, у нас ведь ничего не выйдет. Мы все обречены на смерть.

– Если ты будешь так говорить, я уйду без тебя, Вов. Я говорю серьезно. Если у тебя нет настоящей жажды жизни, то нам не по пути. Я не посмотрю на то, что нас связывает крепкая дружба. Я хочу жить! Я буду скучать по тебе, мне будет тебя не хватать, но я буду жить. И даже если эта свободная жизнь продлится совсем немного, я буду счастлива. Я просто хочу, чтобы ты тоже ощутил эту настоящую свободу. Я хочу, чтобы ты был счастлив. А ты говоришь о том, что у нас ничего не выйдет, и что все мы умрем. Как у тебя только язык повернулся? Ты сомневаешься во мне? Или ты

просто боишься?

– Да, Таня! Да! Я боюсь, что потеряю тех, кого люблю. Боюсь потерять вас с Варей. Я боюсь умереть. Неужели тебе не страшно? – срывался мой друг. Он не на шутку разозлился на меня. Вот только этого мне сейчас не хватало. – Тебе не жутко от того, что ты останешься без родителей и будешь одна с Варей?

– Перестань орать! – крикнула я на него. – У нас все получится, я чувствую это. Осталось всего ничего. Два дня. Мы все—таки пробудем в этом доме, потому что форма одного Дежурного еще ничего не значит.

– Да ты что! Не значит! Если тебя обнаружат Дежурные, тебя либо прикончат на месте, либо именно тебя заберут Праведники. И почему нужно бежать именно сейчас? Разве нельзя сделать это через месяц или два?

– Меня или Варю могут забрать и тебя, кстати, тоже. Немного поразмысли мозгами. Ты серьезно думаешь, что нам вечно будет везти? Рано или поздно нас выберут, и мы умрем. Просто так исчезнем с этой планеты, ничего не сделав за свою короткую гребаную жизнь! Я так не хочу. Мы обязаны бежать, Вова.

– Хорошо, извини, – ответил он немного погодя. – Я еще раз пойду посмотрю комнаты. Сиди здесь.

Я кивнула головой, и он ушел, оставив меня в темноте. Я села на пыльную кровать. Меня сильно клонило в сон. Я старалась сдержаться и не лечь на эту кровать. Но я под-

ложила себе под голову верхнюю часть формы Дежурного. Мои глаза начали медленно закрываться. И мне казалось, что я уже во сне слышу осторожные шаги Володи. Мне ничего не снилось. Совсем ничего, только тьма. Здесь, в этом доме, было не так уж и жутко. Здесь было спокойно, даже уютно. Мне так казалось, по крайней мере. Оставалось уже два дня. А я думала о каком—то уюте в этой заброшенной хижине! Но лучше, наверное, вообще ни о чем не думать. Кажется, все великие и большие дела совершаются именно тогда, когда о них даже задумываются. И, может быть, у меня тоже так получится. Я просто буду стараться даже забыть об этом. Когда будет нужно, я обязательно об этом вспомню.

Я еще не спала крепким сном, и поэтому слышала, как Вова, который только зашел в комнату, громко зевнул и улегся рядом со мной. Я совсем не думала о том, что родители будут переживать, не увидев меня утром на кровати, я думала о том, что довольно—таки странно спать в том месте, где когда—то спали другие люди, которых уже давно нет на этой земле. И кто знает, может, им повезло намного больше, чем всем нам, людям, которые являются рабами. Может, они умерли для того, чтобы жить жизнью намного лучше той, которой они жили когда—то.

А потом я окончательно уснула, слыша как бы вдалеке тихий храп друга.

6

Солнце разбудило меня, ложась лучами мне на лицо. Уже точно было не 8:00. Было без малого часов десять утра. Черт! Мое утро явно никогда не будет добрым. Я быстро встала и этим подняла пыль. Вова до сих пор храпел. Я толкнула его несколько раз и, наконец, разбудила. Мне бы хотелось посмеяться над его не выпавшейся физиономией, но я уже хотела бежать со всех ног на работы. Мы быстро спрятали форму Дежурного в один из ящиков комода и побежали на поля. Чувствую, это будет просто ужасный день. Мои руки готовились к самому худшему. И вот через минут пятнадцать мы уже были на полях. Уже все работали не покладая рук. Я быстро глазами нашла Варю и чуть успокоилась. Нам на встречу шла какая—то женщина с охраной и Дежурными. Мне было совсем не спокойно. Она улыбнулась злорадной улыбкой. Кем же она, черт возьми была?

– Скажите, – обратилась она к нам с Вовой, – который сейчас час?

– Судя по солнцу, где—то уже половина одиннадцатого, – осмелился ответить он. А эта женщина была приятной наружности, но ее глаза говорили о том, что она была бесчувственной. Ее глаза были такими холодными, что мне становилось жутко. Наверняка, ее послало правительство. Проверка перед приходом Праведников, скорее всего. Мне уже

не нравилось то, что она приехала именно тогда, когда мы опоздали на работы.

– А теперь ответьте мне оба, с какого времени начинается ваш рабочий день? – ее голос стал напористым и требовательным. Да, она была из правительства. – Я жду!

– С 8:30, – ответила я как можно спокойнее. – Осмелюсь спросить, кто вы такая? – Володя ткнул меня локтем в бок. Я и без него знала, что говорю много лишнего. У женщины от злости раздувались ноздри, как у лошади. Потом она махнула небрежно рукой в сторону одного из Дежурных, и он вплеп мне пощечину. Я сильно сжала зубы, чтобы не застонать от боли. Вова взял меня за локоть. Я посмотрела с ненавистью на женщину, которая теперь снова злобно улыбалась.

– Меня зовут Мария, – представилась она. – Я забираю списки у Дежурных перед приходом Праведников, – она достала какую—то папку с бумагами. – Странно, что тебя здесь нет. С твоей наглостью и длинным языком ты обязана была сюда попасть. Думаю, в следующем месяце тебе не будет так везти как в этом. А может тебя уже заберут послезавтра? – она засмеялась, ее подхватили Дежурные и охрана. Потом она резко умолкла и дала знак остальным заткнуться. Для нее здесь все были шестерками. Но с другой стороны она была девочкой на побегушках для самого правительства. Все мы здесь были одинаковыми, и враг был у нас общий. Только этого никто не понимал из—за своей гордыни и власти. – Скажи—ка мне, как тебя зовут.

– Оля, – соврала я. Но потом я снова за это поплатилась. Меня снова ударили.

– Врать, Таня, вовсе ни к чему, – говорила женщина, рассматривая какую—то бумагу. – Так—так—так. Семнадцать лет, – задумчиво произнесла она позже. – Тот возраст, когда вы начинаете сопротивляться и оговариваться. Но ты должна понять, что нужно держать свой язык за зубами. И в этом возрасте вы работу ставите ниже, чем какое—то чувство, – она перевела взгляд на Вову, который смотрел на нее с холодным спокойствием. – Вы должны работать, работать и еще раз работать. Для чувств в вашей жизни не должно быть места.

– Разве вы знаете, что такое чувства? – с насмешкой произнесла я.

– Я не хочу, чтобы мы стали врагами, Таня, – говорила эта властная женщина. Назвать ее по имени у меня просто не поворачивался язык. – Враги никогда не делают поблажек друг другу.

– Мы все здесь враги, – ответила я. – С рождения мы все тут имеем врагов, но кто—то их знает, а кто—то даже не догадывается о них.

– Неплохо сказано, но боюсь ты совсем не права. Мы стараемся сделать мир совершенным, так что идите и работайте. А за то, что вы оба опоздали на два часа, вы будете работать еще два часа после окончания работ. Удачи, – она отвернулась от меня и разговаривала уже с Дежурными. – Где

Макс? – она снова повернулась ко мне и улыбнулась.

Ее улыбка так раздражала меня, что я тут же удрала от нее. Поскорей бы она свалила уже в другой район. Я переоделась в рабочую одежду и пошла за инструментами. Вову определили на другой невспаханный участок поля тем временем, когда я уже сажала зерна там, где я сама недавно работала. Я заметила, что надо мной сегодня никто не стоял. Это радовало меня сначала, а потом ко мне подошел Дежурный, но не тот, который в последнее время был моим постоянным надзирателем. Этот был еще суровее прежнего. Иногда он бил меня палкой по рукам, думая, что я сую к себе в карман семена. Мне кажется, что я уже спокойно не смогу даже почесать бок. А они еще говорят о каком—то мире! На обед, естественно, нас с Володей никто не пустил. Зато за это время я припрятала к себе две семечки. Уж сама я не знала, что и сажаю. Потом сама посажу их, когда убегу отсюда. Дежурные во время обеда где—то бродили, не следя за нами. Но я знала, что только им стоит заметить, что я бездельничаю, мне не поздоровится. Мои ноги уже устали, так как я сидела в неудобном положении. Солнце пекло так, что я боялась получить солнечный удар. И вдруг оно куда—то спряталось. Ко мне подошел Вова. Точнее, он стал работать возле меня. Значит, он хочет что—то сказать.

– Все нормально? – спросил он тихо, даже не смотря на меня. Его взгляд был устремлен к земле.

– Вполне, – ответила я. – Эта женщина убралась или нет? –

спросила я его.

– Уже где—то полчаса ее нет, – так же тихо отвечал он. – Ты что, правда, не можешь иногда держать язык за зубами?

– Знаешь, я не хочу, чтобы мы стали врагами, Вова! – кривлялась я. Вова улыбнулся и закатил свои ореховые глаза. Я не хотела, чтобы он снова становился каким—то хмурым и серьезным. Потом вновь все вышли из столовой и принялись за работу. Дежурные снова начали срываться на трудящихся людей. Мой новый надзиратель разъединил нас с другом, и я начала снова работать в одиночестве, пока Дежурный называл меня бестолочью и говорил о том, что руки у меня растут не из того места. Мне было интересно, куда делся мой прежний Дежурный—надзиратель. Может, у него выходной? А были ли у них вообще выходные?

Начинался вечер, а это значило, что солнце начинало заходить за зеленые лесные дали. Я как обычно хотела минут десять постоять и посмотреть на закат. Но мне никто не дал этого сделать. Но раньше же мне позволяли смотреть на оранжевое солнце. В чем же дело? Я решила сходить попить воды, но меня никто не отпускал. Все было как—то не так, все не так, как обычно. Что же произошло? Меня все раздражало так, что я уже мысленно убивала тех, кто бесил меня. Мой Дежурный умирал мучительной смертью. Над остальными я все—таки сжалась. Но, признаться, это никак не спасало меня от жажды и голода. А через несколько часов уже все начали уходить с работ, а мы с Вовой остава-

лись на полях. Я уже засадила небольшой участок семенами, а сейчас поливала землю дождевой водой, которая набиралась в отдельную бочку. Наверное, правительство не хотело тратиться не то что на продукты, даже на воду. И о каком мире могла идти речь, черт возьми?

Прошло два часа, и мы с Вовой, наконец—то, пошли домой. Мы шли молча. Он о чем—то думал, и я хотела узнать о чем. Его что—то беспокоило. И, конечно, меня стал беспокоить Вова. Дежурные ходили меж домов со своими фонарями. Я старалась думать о безопасности, но меня как—то больше волновало поведение молчаливого друга. Вообще—то это происходило крайне редко. Но я старалась не трогать его. И только, когда мы дошли до моего дома, он посмотрел на меня как—то странно. Он о чем—то молчал, и это сильно тревожило меня.

– В чем дело, Вов? – спросила его я. – Говори сейчас, я не хочу откладывать разговоры на потом.

– Я все приготовлю для побега, но не побегу, Тань, – тихо пояснил он. – У тебя все получится, я не сомневаюсь в этом. Но я не бегу с тобой. Как ты сказала, у нас разные пути. Наши дороги рано или поздно должны были разойтись.

– Издеваешься? – спросила я, не веря его словам. Он мотнул головой. – Да нет! Ты же шутишь, да? Ладно, шутка удалась! – Володя встряхнул меня. И по его глазам я поняла, что он говорит правду.

– Я не могу бежать, – повторил он немного погодя. –

Не могу.

– Почему?

– Тут недалеко живет одна девушка...

– Отлично! – воскликнула я, перебив Вову. – Из—за какой—то там девушки ты теперь готов на то, чтобы мы больше никогда не увиделись, так? Разве так поступают друзья, Вова? Мы с тобой с самого детства! Неужели это совсем ничего не значит?

– Тань...

– Да пошел ты! – грубо ответила ему я. На самом же деле мне хотелось разрыдаться и уговорить его пойти со мной, потому что они с Варей единственное, что у меня останется. Мне он был дорог. – И не парься на счет побега, я со всем сама разберусь. Твоя девушка не заслуживает того, чтобы ты возился со мной.

– Я думал, что ты порадуешься за меня, – ответил Вова. – Она мне нравится, и, похоже, я ей тоже...

– Заткнись! Я вообще ничего больше не хочу слышать от тебя. Я хотела сбежать с тобой, хотела, чтобы ты был счастлив!

– Я уверен, что буду счастлив с ней.

– Если для тебя это важнее, то, пожалуйста, делай что хочешь. Пока я буду наслаждаться свободой, ты будешь пахать день и ночь, чтобы прокормить свою будущую женушку. Совет вам да любовь! – в конце концов, я по—настоящему разозлилась на него и, не дождавшись больше ничего

кроме «Тань...», я забежала в дом, потом выглянула в окно и посмотрела на него со всей злобой и ненавистью. Теперь он будет гулять по ночам с какой—то девушкой. Быстро же он мне нашел замену.

– Тань? – это был папа. Я развернулась и увидела его сонное лицо. – Где ты была? – спросил он потом шепотом. Я рухнула на диван и закрыла лицо руками. Папа уселся рядом. – Что—то случилось?

– Пап, скажи, разве можно забыть дружбу, которая шла целых семь лет, ради любви? Можно ли так просто забыть все то, что было?! – у меня побежала слеза по щеке, но я ее тут же утерла. – Как же так?

– Дружбу нельзя забыть, она всегда будет в памяти. А вот поставить ее ниже любви можно. Рано или поздно мы все вырастем и выбираем для себя то, что нам действительно нужно. А любовь, Таня, любовь нужна всем. Человек не может без любви.

– Вова не побежит с нами, потому что он встретил какую—то девушку. Я разозлилась на него, потому что он предпочел остаться с ней, а не бежать со мной. Ну как можно быть таким болваном? Ведь свобода – это самое замечательное, чтобы он мог получить.

– Таня, – папа тихо посмеялся. – Ты поймешь это рано или поздно. Ты не поймешь его, пока сама все это не переживешь. Так что не осуждай его, – папа тяжело вздохнул, а потом сел прямо и стал очень серьезным. – А теперь я хо-

тел бы узнать, где ты была ночью.

– Просматривала заброшенный дом, а потом там и уснула, потому что сильно хотела спать, а потом пошла на работы. Я не думала, что все так выйдет. Извини.

– Завтра последний день, – тихо говорил папа. – А потом мы больше никогда не увидимся. Но, знаешь, я буду думать о том, что именно мои дети стали свободными. Что я смог отпустить их для того, чтобы они жили жизнью, который не жил я сам. И я даже счастлив, но...

– Но расставаться и понимать, что это навсегда, довольно тяжело. Я знаю. Но я не останусь здесь, папа. Я хочу жить, и хочу, чтобы Варя тоже жила. Завтра я отнесу запасы в дом, ночью мы с Варей пойдем туда, а дальше будь что будет, – сказала твердо я и посмотрела на папу. Он грустно улыбнулся. Он поцеловал меня в лоб, и я пошла в свою комнату. Я снова не спала. Завтра последний день. Последний день. Это очень все как—то странно. Я же больше никогда не смогу сюда вернуться. Либо я умру, либо буду жить иначе. Надо же было еще с Вовой поругаться. Думая о нем, у меня снова к глазам начали подступать слезы. Я тихо плакала, чтобы не разбудить Варю, а потом спокойно заснула.

6:30. Встала я на полчаса позже. Варя уже пила чай и ела кусочек хлеба, когда я пришла позавтракать. Видя, что хлеба осталось всего ничего, я обошлась просто чаем. Я быстро умылась. Смотря в зеркало, заметила, что у меня было опухшим лицо от ночных слез. Я сделала тугой узел из волос на затылке и встала посреди маленькой кухни. Я думала о том, что можно собрать с собой. Я нашла сначала два старых рюкзака, села на пол и снова задумалась. Надо брать самое необходимое. Прежде всего, нужно было взять воду. Недавно был привоз, а значит, еды и воды было пока достаточно. В чулане я нашла четыре огромных бутылки с водой. Я нашла несколько фляжек и разлила туда воду. Теперь нужна была еда. Взяла тут же, в чулане, булку хлеба. На первое время нам должно было хватить, а там дальше мы, наверное, заживем получше. Я делала все быстро. Не знаю даже почему. Что—то подсказывало мне, что вещи лучше собрать сейчас. Я посмотрела на Варю, которая не знала, что ей делать. Сказав ей, чтобы она принесла теплой одежды, я взяла оставшееся одно яблоко. Я смотрела на него и улыбалась. Но стоило мне вспомнить, что случилось этой ночью, улыбка сползала с моего лица. От мыслей меня прервал крик. Варя тут же прибежала на кухню с одеждой. Я слышала чьи—то мольбы и крики на улице. Было рано. Было еще рано. Пока-

зав Варю знак, чтобы она быстро положила одежду по рюкзакам, я осторожно выглянула в окна. Дежурные собирали людей. А значит, Праведники решили приехать на день раньше. Всё к чертям! До нашего дома пока не дошли, но я видела, как у соседей была паника. Они кричали и рыдали, боясь потерять жизнь. Но мы старались никогда не паниковать. Два года назад одна женщина ни в какую не хотела отпустить на площадь своих детей. Её через десять минут истерики пристрелили на месте. И вот нам нужно было что—то придумать. Нужно было что—то срочно делать. Я быстро надела на Варю рюкзак и накинула на неё мамину куртку, она была ей велика, и потому было почти незаметно то, что у сестры был рюкзак. Я же взяла рюкзак побольше и надела папину куртку, в которой я тут же утонула. Как только мы собрались с Варей, в дверь постучали Дежурные. Сегодня они были вооружены. Спокойно и без паники мы вышли с сестрой из дома, теряясь в толпе других людей. Я искала глазами Вову. Но так и не нашла его.

В городе было только две площади. Мы шли к самой ближайшей, где отбирали четырех людей. На другой выбирали трех. Вероятность того, что могут выбрать нас с Варей, была больше, чем в другом районе. Некоторые дети в толпе плакали, а взрослые шли с опущенными головами. Я держала Варю за руку. Самое страшное – осознавать то, что кого—то все равно возьмут, и они умрут. Когда выбирают не тебя, ты не можешь выдохнуть спокойно, потому что вместо тебя

умрут другие. Было прохладное утро. Хорошо, что у нас были куртки. Мамы и папы я тоже не находила в толпе. Вскоре все остановились. Мы уже были на площади. Охрана была повсюду. На высокой сцене уже стоял один из Праведников с двумя охранниками. Это был все тот же мужчина, что и всегда. Высокий, в дорогом костюме, с глазами, полными отвращением к нам. Мы ведь всего лишь рабы. Рядом с ним была коробка с именами. Но сначала наугад выбирался один человек из списка. Как говорила та женщина Мария, я не была там. А Варю туда бы точно не записали.

– Добрый день, жители города номер 104! – торжественно говорил мужчина. – Пришло время снова выбирать тех, кто поможет нашему Спасительному материку жить. Напомню, как и всегда, что я выбираю четырех рабочих, – он все время так говорил. Это сильно задевало каждого. Через несколько лет к нам будут относиться не так доброжелательно как сейчас. О нас будут не только думать как о рабах, но и говорить так. – Что ж, начнем! – он говорил так, будто его совсем не задевало то, что он причастен к убийству людей. А вообще—то, наверное, его и, правда, это не трогало. Все перестали перешептываться, когда он взял список со столика. Он закрыл глаза и ткнул пальцем в лист бумаги. Все они из правительства относились даже к нашим смертям небрежно. – Петр Рокотов.

Этот парень работал в лесу, где мой папа. Он поднимался на сцену, когда его близкие люди рыдали и кричали от отча-

нения. Праведник глядел на него с таким равнодушием. Когда тот поднялся на сцену, он пожал ему руку, и мы по традиции все крикнули:

– Во благо спасения!

Эту фразу, судя по всему, придумали сами Праведники. Этот мужчина широко улыбался, когда мы сказали эту самую фразу. Дальше его рука добралась до коробки. Варя дрожала, но я улыбнулась ей. Она кое—как выдавила в ответ свою улыбку. Её розовые губки тряслись то ли от страха, то ли от холода. Праведник тем временем уже вынул из коробки первую сложенную бумажку, на которой было написано имя.

– Светлана Карташова.

Женщина примерно возраста моей мамы. Я видела её на полях. Блондинка, у которой совсем не было семьи. Она была одинокой, и потому её никто не оплакивал. Она с легкостью поднялась на сцену, и все снова кричали фразу: «Во благо спасения!». Я не понимала вообще, зачем нужно убивать еще людей, если на Спасительном материке и так смертность выше рождаемости. Большинство людей жили в таких условиях, что погибали. Голод, постоянная жажда, вечная работа. Все умирали от этого так часто, что даже ни к чему было выбирать еще по семь человек с каждого города. Видимо, правительству, правда, хотелось этого. Хотелось как—то развлечь себя, а то, что на материке не оставалось места – это, скорее всего, все неправда. Теперь двое стояли на сцене. Еще два. И я не хотела, чтобы это были я или Варя.

Она сжала мою руку так, что мне стало немного больно, но я ничего ей не сказала. Все молчали, и было только слышно, как пронизывающий холодный ветер завывает. Он нес запах. Еле уловимый, но я чувствовала запах гари. Неужели, Вова поджег дом Дежурных?

– Владимир Березняков.

Это был мой Володя. Мы с Варей тут же переглянулись. Я вся задрожала. Я боялась этого. Боялась того, что выдать могут и его. Но его не было в толпе, он не поднимался на сцену. Праведник не на шутку рассердился, говоря о том, что этот малый тратит его время, и тут ужасно холодно. Он отправил часть охраны на его поиски. А тем временем запах гари усиливался. Это стали чувствовать и другие люди из толпы. Я слышала, как они перешептывались. Я оглянулась и увидела дым, а потом и огонь. Это был дом Дежурных. Все начали суетиться, а Праведник озверел. Большую часть охраны он отправил разобраться с пожаром. От охраны осталось совсем ничего. Тем более, почти все Дежурные побежали вместе со всеми к своему дому. Я начала медленно двигаться, таща за собой Варю. Она все прекрасно понимала, и потому даже не пыталась сопротивляться и молчала. Некоторые, конечно, оглядывались, но никак не выдавали нас. Меня вдруг поймал кто—то за руку. Это была мама. Я видела её полные тревоги глаза. Мы с Варей не могли медлить, и мама это прекрасно понимала. Мы прощались взглядами. У нее уже сверкали слезы. Она сжимала мою ру-

ку так же сильно, как и Варя. Я кивала головой, на каждый её немой вопрос. Она знала, что не нужно привлекать внимание других. Мы с сестрой вместе сказали ей, что любим её. Она попыталась улыбнуться. Не выдержав такой душевной боли, она кинулась в мои объятия, потом она крепко обняла Варю и поцеловала её в носик. Это было просто не выносимо. Мне хотелось разрыдаться и броситься к ней, но я взяла себя в руки и пошла дальше с тяжелым сердцем, таща за собой бесшумно младшую сестру. Мне нужно было увидеть папу. Я внимательно вглядывалась в лица людей, но папы так и не находила. Он сам нашел нас. Он был почти в конце толпы. Я видела, что ему было трудно сдерживать слезы. Он обнял сразу двоих. Я пыталась запомнить эти его огромные руки, которые сделали для нас столько всего. Он целовал нас в макушку и шептал, что любит. Мы отвечали ему тем же. Варя плакала тихо, чтобы её не услышали. И все—таки, я уже увидела, как она повзрослела сейчас. Она пыталась не показывать этих слез родителям, чтобы они отпустили её легче. Папа понимал, что нам нужно торопиться. Я видела, как он провожал нас взглядом. Это было самым тяжелым. Видеть, как родители пытаются выдать из себя улыбку и сдержать слезы, причиняло сильную боль. Я оставляла в них часть себя. Уже навсегда. Я понимала, что больше никогда их не увижу. Слезы лились по моим щекам, когда мы уже были вне поля зрения родителей. Моя душа страшно ныла. Но дело нужно было довести до конца.

клички охранников и Дежурных. Они пытались докричаться друг до друга, передавая какую—то информацию о пожаре и Володе. — После этого, они занесут меня в список, но ведь по списку тоже выбирают наугад. Пожалуйста, Таня, не переживай.

Больше он ничего не сказал. Мы шли молча. Долгое время мы провели возле дома Дежурных. Всё было в дыму. Стараясь не наткнуться на них, мы продвигались очень медленно. Дым ел глаза. Вова знал, куда идти. Он поймал меня за руку, и мы куда—то повернули. Я чувствовала, как дрожала его рука. Я сжала её, и он сжал мою руку в ответ. Ссора ночью была сущим пустяком по сравнению с тем, что я переживала сейчас. Нити между нами обрывались. И вот дым начинал рассеиваться. Уже близко были поля, на которых я больше не буду работать. Надо было сейчас бежать как можно быстрее. Я присела, чтобы посмотреть Варе в лицо.

— Ты пробежишь до ограждения, не будешь оглядываться, даже если по нам будут стрелять. Ты пробежишь, я знаю. Ничего не бойся. Я всегда прикрою.

В ответ она решительно кивнула мне головой. Я встала и посмотрела на Вову, который, как и я, судя по всему, хотел запомнить этот момент, когда мы были близки как никогда. И вот, набрав в легкие побольше воздуха, я побежала первой. За мной следом бежала Варя. Нас прикрывал Вова. Мне помогал бежать только выброс адреналина. У меня было дикое желание уйти отсюда навсегда. И я бежала, думая о своей

мечте. Я постоянно оборачивалась, чтобы посмотреть на Варю. Её силы уже были на исходе. Дым уже начинал рассеиваться, а это значило, что надо было бежать быстрее.

– Кто—то сбегает! – раздавались крики позади нас. Мы бежали как можно быстрее. Я уже видела ограду. Я как раз бежала к тому месту, где была решетка. А тем временем охрана уже открыла огонь. Сначала они стреляли в воздух, чтобы запугать нас. Я знала это и потому даже не пыталась обернуться. Добравшись до решетке, мы тут же с Володей помогли Варе перелезть. Она уже была на той стороне. Я заметила у друга кровь.

– Тебя задели, – тихо сказала я и посмотрела на него.

– Живо перелезай! – он помог мне перелезть. Я уже была на другой стороне. – Беги, Таня! Пожалуйста, беги!

– Пошли с нами.

– Я никогда не забуду этот день, – только и сказал он. Он взял на мгновение мою руку, а потом отпустил её и убежал.

И вот расставшись с той стороной, где остались близкие мне люди, мы с Варей шли очень быстро от ограждения. Сил у нее уже не было, но нам надо поскорее смыться отсюда. Я не могла не отметить, что здесь был совершенно другой запах. Запах деревьев и травы, на которой еще блестела роса. Мне жутко хотелось все рассмотреть, но я понимала, что надо непременно спешить. Свобода была уже близко. Я оборачивалась и видела еще горящий дом Дежурных. Именно благодаря этому пожару, благодаря Володе, мы уже были вне

города номер 104. Мы больше не были рабами. Перед нами открывалась свобода. Но я все время оборачивалась, боясь того, что в любой момент нас могут убить. За нами непременно отправят часть охраны. От быстрой ходьбы я уже тоже начала уставать. Мое дыхание все чаще начинало сбиваться. Я буквально тащила за собой сестру, которая тяжело дышала. Она что—то пыталась мне сказать, но я не слышала ее. Город постепенно исчезал за лесными деревьями. После того, как мы прошли где—то километра два без остановки, мы рухнули на землю. Уже начинало пригревать солнце, но воздух все равно утром был морозным. Я достала из рюкзака фляжку воды и протянула ее Варе, а сама пить не стала, так как нужно было беречь воду. Неизвестно сколько мы будем так скитаться по лесам.

8

– Почему Вова не побежал с нами? – спросила меня сестра, облокотившись спиной к дереву и подняв голову к небу. Она сильно устала. – Его выбрали. Так почему же он остался?

– Он встретил одну девушку, и я думаю, что она хорошая. Он остался из—за нее, Варя. С ним ничего не случится, я уверена в этом, – ответила я и тяжело вздохнула. – Он сказал, что будет счастлив и там, вместе с ней. И я даже не могу сомневаться в этом после того, что он сделал для нас. Это ведь он устроил пожар. Только ради того, чтобы наша мечта осуществилась. Его мечта была в городе, вот он и остался.

Варя ничего не ответила, а только встала, подала мне руку, и мы двинулись дальше умеренным шагом. В лесу только пение птиц прерывало наше молчание. Наверняка Варя думала о том же, что и я. Теперь у меня осталась только она, а я у нее. Мы были друг у друга, несмотря на то, что мы остались без родителей и друзей. Над нами не было одиночества, над нами была страшная тоска. Душа изнывала от боли, которую мы испытывали. И может, мы спокойно будем жить, но никогда не сумеем забыть того, что где—то далеко остались близкие нам люди. Мы шли как можно тише, но лес начинал просыпаться, и потому в траве уже кузнечики начинали издавать свои странные звуки, а птицы начинали пе-

рекликаться друг с другом. Трава начинала высыхать. Солнце припекало сильнее, но холодный ветер не давал согреться. Я с удовольствием слушала, как разговаривал лес. Из-за ветра создавалось такое ощущение, что деревья общаются, наклоняясь друг к другу. Я невольно улыбнулась, поднимая голову к верхушкам елей и сосен. Какой здесь был замечательный запах! Странно было чувствовать и тоску и счастье. Мое сердце начинало греть ощущение свободы. А вообще уже в это время мы должны были работать на полях без перерыва. Мы же шли спокойным шагом, рассматривая красоты леса. Как было хорошо!

– Куда мы идем, Таня? – прервала мои мысли сестра.

– Не знаю, – беззаботно ответила я. Но потом, поймав укоризненный взгляд Вари, я стала серьезной. – Сначала нужно уйти подальше от города. Если мы не будем останавливаться, к ночи уже будем далеко отсюда, и нас не найдут. А дальше я придумаю, что мы будем делать. Но ты должна понимать, что у нас мало запасов. Так что пить мы будем редко, только тогда, когда действительно будет нужно. Хорошо?

– Да, хорошо, – ответила со всей серьезностью Варя. Я была рада, что она понимала меня. – Здесь очень красиво! – ее голубые глаза засверкали. – В городе было совсем не так. – Это точно.

Идя дальше, мы снова замолчали. Я наблюдала за Варей, которая пыталась уйти от грустных мыслей, наблюдая за природой. На ее лице можно было увидеть еле заметную

улыбку, которая не делалась шире лишь потому, что она все —таки была печальной, как и я. Мы оставили все, ради свободы. Но мне казалось, что это того стоило. На смену печали и грусти рано или поздно приходит счастье. Я знала это. Варя понимала меня, так как, даже когда уже был полдень, она не просила ни еды, ни воды. Я старалась контролировать себя и не думать о жажде и голоде. И вдруг я заметила куст с ягодами.

– Это черная смородина? – спросила меня сестра, когда мы поближе подошли к кусту. Варя рассматривала лист кустарника. – Да, это она. Дикая черная смородина, – подтвердила она. Я верила ей, ведь на полях мы каждый день видели какие—нибудь кусты с плодами. – Мама рассказывала мне о ней. И еще она рассказывала о волчьей и медвежьей ягоде. Я помню, как они выглядят.

– Может, соберем ее? – спросила я сестру, которая кивнула мне в ответ. – Она вроде спелая, – я достала из рюкзака небольшую емкость, и мы начали собирать ягоды, иногда съедая по несколько штук. – Вкусная! – улыбнулась я сестре, она одобрительно кивнула. – Может, ночью удастся сварить из них чай?

– Лучше найти шиповник, – ответила она. – Смородину можно съесть и так.

– Хорошо, – улыбнулась я ей. Она была рада тому, что помогает мне. – Ты знаешь, как он выглядит?

– Знаю.

Мы набрали почти полную баночку ягоды. Еще в руках у нас было по горсточке. Мы ели ее и шли вперед. Был уже день. Мы довольно далеко уже были от города, что меня одновременно и радовало и огорчало. Привычная жизнь становилась с каждым шагом все дальше и дальше. И мне до сих пор было интересно, почему Праведники приехали на день раньше. Неужели правительству стало так скучно, что они решили потешить себя побыстрее? И что все—таки делала одежда Дежурного в том заброшенном доме? У меня было столько вопросов, но ответы на них мне уже не были нужны. Я была здесь, а не в городе под номером 104. Я уверена, что скоро все изменится.

Приближался вечер, а мы все шли и шли. Небо становилось розовато—оранжевым. Сбросив с себя папину куртку и рюкзак, я начала забираться на дерево, чтобы полюбоваться закатом. Я села на одну из ветвей огромной ели и смотрела, как солнце садится где—то за горизонтом. Ветер был легким и теплым. Он приятно ласкал кожу и трепал мои волосы, которые за весь день превратились непонятно во что. И я поняла, что этот закат стал для меня самым первым. Я радовалась свободе. Я забыла обо всем на свете, смотря на это веселое оранжевое солнце. Варя уже уговаривала меня слезть, но я с беззаботным видом качала головой. В конце концов, она залезла ко мне и положила свою голову мне на плечо. Отсюда уже не было видно города, мы были далеко. Варя снова говорила, что здесь невероятно красиво. Потом мы спу-

стились обратно, отыскивали шиповник и пошли дальше. Стало темнеть и мы, наконец, остановились, найдя место для ночлега. Я развела костер, а Варя потом сварила теплый напиток из шиповника. Мы доели смородину и легли спать, не потушив костер. Сестра подложила под голову свой рюкзак и укрылась маминой курткой как одеялом. Я еще долго не могла уснуть. Для меня не была проблемой голая земля, просто мысли не давали мне покоя. Я все время задавалась вопросом о том, что будет с нами дальше. И что будет теперь там с Вовой, которого выбрали? Что станет с моими родителями? Их полные печали глаза так и просыпались у меня в памяти. А я хотела запомнить совсем не это. Я хотела запомнить их счастливыми. А у них из глаз текли слезы, которые они хотели скрыть. У Вовы была кровь на руках. Кто—то выстрелил и попал в него. И все из—за того, что я хотела свободы. Ради всего этого были пролиты кровь и слезы. Не эгоизм ли это с моей стороны? Сумела ли я остаться в их памяти лучом света или же стала тенью? Но это не имело значения. Я лишь хотела, чтобы они жили. Так я и уснула, думая о родных.

Утром Варя встала раньше меня. Мы допили остатки напитка из шиповника, и съели по маленькому кусочку хлеба. Маленькому, со спичечный коробок. Сложив потом все в рюкзак, мы двинулись дальше. Ветер сегодня был легким и теплым. А на небе появлялись тучи. Мне всегда нравилась такая погода, когда не было ни холодно, ни жарко. Мы

шли не торопясь, обсматривая все вокруг. Птицы снова пели свои красивые песни. Я вдруг на что—то наступила, и это характерно хрустнуло. Я опустила голову и увидела под своей ногой сучки, которые недавно побывали в костре. Кто—то здесь разводил костер. И это насторожило меня. Костер разводили совсем недавно. Кто—то в этом лесу был еще. Он обогнал нас от силы на дня три, а может и на два. Было бы неплохо догнать его с одной стороны, ведь так будет намного проще жить здесь. А с другой, это было неизвестно кто, и я совсем не имела представления об этом человеке. И я не знала замедлять мне шаг, или наоборот ускорять его. Кто же здесь был еще?

– Думаешь, это кто—то из обычных людей? Тоже беженцев? – спросила меня Варя. Я посмотрела на её любопытные глаза.

– Где гарантия того, что это могут быть беженцы? Это может быть кто—то и из правительства, – я взялась за голову. – Что если это, правда, окажется кто—то из правительства?

– Мне кажется им определенно нечего делать здесь. Зачем им тут жить? – отвечала Варя.

– Может это те люди, которые выслеживаю беженцев? Но, тем не менее, нужно идти дальше.

Мы снова шли и шли неизвестно куда. Меня немного пугало то, что мы можем встретить людей именно из правительства, но если эти люди будут обычными беженцами, то это даже к лучшему. И я была из—за этого в замешательстве.

Я пришла к выводу за весь этот день, что нужно идти к реке, а потом некоторое время пожить рядом с ней. Дальше можно просто идти в её направлении, все равно куда—то мы точно придем. Я сказала Варю, что, когда мы с ней найдем ближайшую реку, то остановимся там на несколько дней. Вечером мы нашли ягоды и снова ели их, а потом легли спокойно спать, даже ни о чем не подозревая. Лес ведь хранил в себе не только красоту, но и опасность.

Я проснулась от шороха. Я бесшумно подняла голову и увидела чьи—то очертания. Костер горел, но уже не так сильно как вечером. Я тихо взял ветку, которая лежала рядом со мной и поднесла её к костру. Она начала разгораться. В темноте я увидела животное. Оно боялась огня. Я встала и начала размахивать горячей веткой дерева. Я заметила, что это волк, который скалился и немного рычал. Но он боялся подходить, так как у меня был огонь. Я вся дрожала. Он хотел уже кинуться на меня, но я уклонилась. Он убежал. Но это не значило, что он больше не придет. Беда не приходит одна, он придет сюда со всей стаей. Я быстро разбудила Варю, и мы двинулись быстро дальше. Этой ночью я больше не спала. Варю от греха подальше я уговорила поспать на дереве. Я уснула только тогда, когда начало уже светать. А проснулась уже от какого—то удара о землю.

– Даже если это действительно будет нужно, я больше не буду спать на дереве! – ворчала Варя, когда я смеялась над тем, как она шлепнулась с дерева. – Перестань смеяться,

Таня!

– Да ладно, ладно. Всё.

А потом начался наш третий день скитаний. Варе я не стала говорить о волке, который приходил сегодня ночью. У нее бы началась паника, что сейчас было вовсе ни к чему. Мы шли еще целый день. Признаться, я уже сама не могла терпеть жажду и голод. Варе я дала кусок хлеба и немного попить воды, сама же я обошлась только глотком воды. Если так и дальше будет продолжаться, долго я не проживу. У меня совсем не оставалось сил. А всего лишь был третий день. Нужно было скорей дойти до какой—нибудь реки. На четвертый день никаких признаков того, что вода где—то поблизости не было. И только к концу пятого дня, я услышала журчание. Мы с Варей решили дойти до реки завтра утром, так как обе уже валились с ног. Я уснула сразу и спала, кажется, очень крепко. Только лучи солнца коснулись моего лица, я встала в приподнятом настроении, разбудила Варю, и мы съели на этот раз яблоко, которое уже начинало портиться. Дул ветерок, который разбудил меня окончательно. После, так сказать, завтрака мы двинулись к реке. Варя была сегодня очень весела и потому бежала впереди меня. Она ничего не замечала, тогда как я слышала какие—то негромкие шорохи, но сестра уверяла меня в том, что это всего лишь ветер. Варя постоянно оборачивалась ко мне и что—то весело говорила. И вот стала видна река. Мы с Варей тут же

кинулись бежать, я отставала от сестры, потому что у нее сил накопилось побольше, чем у меня. И вот на бегу она снова обернулась ко мне. Я только успела услышать то, как она выкрикнула испуганно мое имя.

Я очнулась в каком—то другом месте, не в том, где мы бежали. У меня ужасно болел затылок. Я лежала на сырой траве, а надо мной были незнакомые мне лица. Я думала, что я сплю, и потому закрыла глаза и снова их открыла. Это был не сон. Я быстро встала и отошла от незнакомцев подальше. Моя голова сильно кружилась, я немного пошатнулась. Потрогав свой затылок, я поняла, что без сознания я была совсем не долго: кровь еще не успела засохнуть. И как я понимала, это люди ударили чем—то тяжелым меня по голове.

— Где Варя? — громко спросила я. Меня слегка трясло. — Где она? — на меня смотрели как на чокнутую.

— Сначала ты ответишь на наши вопросы, — это сказал высокий и мускулистый парень. Выражение его лица выражало какую—то властность. Я посмотрела на других. Всем им было не больше двадцати пяти. Они были молодыми. Но кто они такие? На всякий случай я отошла еще дальше. — Попытаешь убежать — больше не увидишь свою сестру. Это понятно? — от такого грубого голоса я снова, не задумываясь, отшатнулась от него, но уткнулась спиной к дереву.

— Кто вы такие? — как можно спокойнее спрашивала я.

— Вопросы буду задавать я! — грозно произнес незнакомец, подойдя ко мне поближе. Мне было некуда бежать. Я

чувствовала как понемногу впечатываюсь в дерево. Я боялась того, что они могли что—то сделать с Варей. Я осмотрелась. Это больше походило на какой—то лагерь. Тут были самодельные хижины и палатки из плотной старой ткани, место для разведения костра, рядом с которым находилось два бревна, на которых они, наверное, сидели. Над уже потухшим костром у них висело старое ведро. Судя по всему, они всегда что—то там варили, так как жили они рядом с рекой, на которую я только что обратила внимание. Она была чистой. А потом я снова повернулась к людям, которых уже боялась. Если они могут спокойно двинуть кому—нибудь по голове, то и убить они могут запросто. — Итак, — начал снова говорить парень очень серьезным голосом, — кто ты такая?

— Какая разница? — осмелилась сказать я. — А вот кто вы такие?

— Сказал же, что вопросы тут задаю я! — рявкнул парень. — С тобой тут никто не собирается церемониться, понятно? Если ты не будешь отвечать на вопросы, я обещаю, тебе тут придется несладко. Повторяю еще раз, кто ты такая?

— Так никто не ведет переговоры, Дим! — усмехнулась девушка из толпы. — Она же боится тебя.

Остальные ребята весело улыбнулись, тогда как мне было жутко страшно. Здесь все улыбались кроме меня и этого Димы. Он был похож на зверя, пожирая меня глазами. Потом он дал знак разойтись всем этим людям, а сам остался со мной.

– Ты понимаешь, что у тебя будут неприятности, если ты будешь молчать? Но если ты молчишь, значит, тебе есть что скрывать. Ведь так?

– Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы, пока не увижу свою сестру, – я нашла в себе силы сказать это твердо и четко.

– Ты действительно думаешь, что можешь ставить свои условия? – он подошел совсем близко. Его руки уже упирались в дерево. Я невольно вся съежилась. Я чувствовала его горячее свирепое дыхание. – Кто. Ты. Такая? – я понимала, что этот парень заводится с полуоборота. Его не стоило злить, но я просто не знала, как это сделать. Он, казалось, свирепел даже тогда, когда я нечаянно смотрела ему в глаза. Вот и сейчас я осторожно подняла свои глаза и увидела, как он буравит меня взглядом. – Я с тобой не в молчанку тут собрался играть! – процедил он сквозь зубы.

– Я же сказала, что не стану отвечать на вопросы, пока не увижу свою сестру! – в ответ на мою дерзость он со всей силой ударил кулаком по стволу дерева.

– Черта с два так будет! – со злобной улыбкой произнес он. Этот Дима начал отходить от меня, и я немного расслабилась. – Эй, Леха! Привяжи—ка эту сучку к дереву. И весь день не давать ей ни капли воды, а тем более еды. Это всем понятно? – он обратился уже ко всем остальным членам лагеря. В ответ они просто кивнули головой и дальше принялись за свои дела.

Тот самый Леха подошел и привязал меня к дереву так, что я даже не могла пошевелиться. Я думала о том, куда они могли деть Варю. Может, тоже привязали ее к какому—нибудь дереву. Здесь их было немало. Еще парней пять точно было и три девушки. И не факт, что это еще все. Было утро. Я наблюдала за этими людьми. Кто—то приносил хворост из леса для разведения костра, кого—то отправляли к реке сполоснуть грязные чашки, а кто—то давал указания. Но не так, как нам давали указания Дежурные. Эти люди обращались друг к другу дружелюбно, без тени ненависти и зла. Возле палаток у них стояли такие же рюкзаки, как и у меня. Было ясно, что они были полны продуктами. И только сейчас я заметила, что со мной не было моего рюкзака. Они забрали его у меня. В полдень они обедали тем, что было у них сварено в ведре. Они иногда смеялись над чем—то, а иногда кидали на меня задумчивые взгляды. После обеда часть куда—то разошлась, а человека два—три осталось здесь. Один из них сидел рядом со мной. Да, ему сказали присматривать за мной. Он пытался задавать мне какие—то вопросы, но я молчала.

– Я хочу в туалет, – сказала спокойно я и посмотрела на этого самого Лешу, у которого была написано на лице то, что он был добродушным парнем. Он посмотрел на меня так, словно ничего не понимал. – Я что же, не могу отойти по малой нужде?

– Сейчас, – он встал с земли и подошел к Диме. Они так

долго переговаривались по этому поводу, что я могла бы рассмеяться, но мне уже целый день как—то даже не улыбалось. Не от того ли, что все мое тело уже затекло? Я заметила, что этот Леша по рассеянности оставил возле меня нож. Пользуясь тем, что за мной пока никто не следил, я еле как дотянулась рукой до него и, приподняв свою нижнюю часть тела, положила его в задний карман моих штанов. И как только я это все проделала, парень по имени Леша вернулся, чтобы развязать меня и отвезти к тому месту, где они справляли свою нужду. Тело приятно заныло после того, как меня развязали. Я спокойно шла за рослым парнем с рыжей головой. Потом он остановился. — Только быстро.

Он показал мне, куда идти. Как я и думала, он отвернулся, и тогда я вытащила нож, тихо подошла к нему и приставила нож к его шее. Он тут же встал как вкопанный. Он не сумеет двинуться, иначе я перережу ему глотку.

— Сейчас же говори, где моя сестра! — процедила я сквозь зубы. Он уже что—то хотел ответить мне, но тут кто—то проходил. Эта была девушка с длиной русой косой. И ружьем. Она тут же начала целиться на меня. Но я—то знала, что я нужна им живой, чтобы опровергнуть или подтвердить их догадки. — Опустит ружье, иначе он сдохнет раньше, чем ты пристрелишь меня! — во мне было столько адреналина, что я начала говорить так уверенно, что сама почти не верила в это. — Я сказала, опусти ружье! — крикнула я на девушку.

— Полегче, Даш, — говорил Леша, — а то она, правда, меня

прикончит. Опустит ружье.

– Хочешь опять, чтобы тебя ударили по голове? – начала с угрозой говорить эта самая Даша. Она лукавила. Я чувствовала это. Кто—то был здесь еще. Она стала чересчур уверенной. – Выброси этот нож, а? – она старалась говорить так, будто ее это вообще не волнует, хотя две минуты назад держала меня настороженно на прицеле.

– Не пытайся меня одурачить! – крикнула я на нее. – Где моя сестра, черт тебя побери?! – меня затрясло, но нож я не выпускала из руки. – Ты не умеешь лукавить. Я знаю, что здесь есть еще кто—то помимо тебя. Либо вы говорите, где Варя, либо я перерезаю ему горло.

– Условия здесь ставлю только я, а не ты! – я обернулась. Это был их главный человек. Этот самый Дима. – Быстро опусти нож.

– Сначала вы покажете мне Варю, чертовы ублюдки! – орала я. – Я обещаю, что пройдуь этим ножом ему по горлу, если ты не отведешь меня к сестре. И пусть она уберет ружье!

– Больше ты ничего не хочешь, а? – этот Дима будто ничего не боялся, так как он подошел поближе. Сжав крепко горло Леше, я направила нож в сторону их главаря. – Ты же совсем не знаешь, во что ввязываешься, – он подошел еще ближе. Вдруг он очень быстро выхватил у меня нож из рук, но перед этим я все—таки полоснула его ладонь, из нее тут же побежала кровь. А я тем временем попыталась

убежать от них. Выброс адреналина позволял мне убежать от них далеко, а легкие отказывались работать, и потому через минут пять побега от них я рухнула на землю. Я снова потеряла сознание.

На небе уже были звезды. Они были холодными и яркими. И ночь была холодной. Я попыталась завернуться в папину куртку. Потом я повернула голову и увидела, как незнакомцы сидели у костра и что-то обсуждали. Я попыталась встать, но мои руки были снова к чему-то привязаны. Отлично. Я, наверное, громко кряхтела, когда пыталась подняться, так как на меня были направлены взгляды людей. Ко мне подошло три человека. В темноте их лица были еле различимы. Они сели на землю рядом со мной. Они снова будут пытаться меня расспрашивать. То, что у них было много запасов, палаток и оружия, не давало мне покоя. Я металась между двумя мыслями. Это могли быть люди из правительства. А могли быть и обычные беженцы. И только от незнания того, куда они дели Варю, и кто они были такие, я не могла им ничего рассказать. Я совсем не знала их.

– Я вам все расскажу, если вы мне расскажите, кто вы такие, – тихо первая сказала я. Они переглянулись между собой. Среди них была девушка, которую я видела еще утром, когда меня пытался расспросить главарь всей этой группы людей. Она внимательно всматривалась в мое лицо. – Где моя сестра?

– Я ее даже не знаю, а она уже так надоела! – попытался

пошутить кто—то. Я не разглядела его лицо. Я только знала, что здесь сидит Дима и та самая девушка. Они не смеялись, даже не улыбались.

– Может, стоит рассказать ей все? – спросила девушка у Димы. Он отрицательно покачал головой. – Я думаю, что все—таки стоит ей хотя бы показать сестру.

– Я же сказал, что нет, Вик! – рявкнул главный. – Я не знаю, что делать с ней! Она наотрез отказывается что—то рассказывать. Еще день возле этого дерева. И если случится, что—нибудь подобное тому, что произошло сегодня, ты просидишь еще день без воды здесь! – при этих словах он встал с земли. – Дождемся Игоря и остальных. Они должны прийти на днях, – добавил он и ушел вместе с остальными. Они еще некоторое время посидели у костра, а потом разошлись по палаткам. Я пыталась как—то вырваться, но у меня ничего не получалось. Так я и уснула у дерева с привязанными руками.

Я проснулась. Все уже сидели на бревнах и что—то ели из чашек. Журчание реки напомнило мне о жажде. Я снова с кряхтением приподнялась и села кое—как на землю. Ко мне тут же подошел Леша, развязал меня и повел к месту, где они справляли нужду. Он все время подгонял меня. Видимо, из—за моего вчерашнего выступления он утратил ко мне всякое доверие. В общем—то, это меня совсем не удивляло. Мне тут вообще никто не хотел верить, все они думали о своих каких—то самых худших догадках. Я была их вра-

гом. И вот сейчас этот Леша нехотя отвернулся, и я спряталась за кусты. Он все время ворчал о том, чтобы я шевелилась быстрее. Когда я закончила, он тут же поймал мой локоть и тут же крепко сжал его. На мгновение я вспомнила о том, как меня брал за локоть Вова. А потом я поняла, что это совсем не то. Леша держал меня крепко, опасаясь того, что я могу убежать, а Вова лишь хотел уберечь меня. Меня снова накрыла тоска. Еще я не знала, где сейчас Варя, и что делали с ней. Но, чтобы мне могли хоть что—нибудь рассказать, я должна была вести себя послушно. И при этом ничего не говорить им.

Меня снова привязали к дереву. Это было сейчас совсем неудобно. Сама я сидела на земле, а руки мои подняли вверх и привязали их. Это был седьмой день моей якобы свободы. Ну меня хотя бы не заставляют здесь работать до седьмого пота. Я была теперь заключенной, а не рабой. Я наблюдала за остальными людьми. Они все время шутили и смеялись, ходили к реке за водой. Они работали для себя, для того, чтобы жить. А я была для них тем, кто мог разрушить эту размеренную жизнь. Я была их худшим опасением. Я видела это по их взглядам. Они были подозрительными, злыми, недоброжелательными. Мне нравились только те люди, которые создавали у меня такое ощущение, что им совсем все равно есть я или меня тут нет. Я в какой—то степени уважала их бесстрастность ко мне. Мимо меня проходила та девушка с ружьем с каким—то парнем. Как я догадывалась,

они ходили на охоту. Ей было на вид девятнадцать—двадцать лет. Она кинула на меня брезгливый взгляд и пошла дальше. Потом я стала опять наблюдать за всем, что происходило у меня на глазах. Я заметила у них солнечные часы. Сейчас был уже полдень. Девушка Вика начала копаться в их запасах. Вытащив то, что было ей нужно, она все это закинула в ведро уже с кипящей водой. Она невольно повернула ко мне голову, поджала губы и снова отвернулась. В отличие от остальных она, наверное, испытывала ко мне жалость, что было мне неприятно. Она взяла кружку, посмотрела по сторонам и, убедившись в том, что рядом никого нет, подошла ко мне.

– Привет, – по—доброму сказала она и мило улыбнулась мне. Я бы тоже хотела ей улыбнуться, но она была из кучки моих врагов. – Пить хочешь?

– Мне вовсе не нужны твои подачки, – грубо ответила я, стараясь не смотреть на кружку с водой.

– Я вовсе...

– Если ты думаешь, что таким путем чего—то добьешься от меня, то у тебя ничего не выйдет! – прервала я ее. Она выпучила свои большие серые глаза от удивления. Уж пусть она лучше ненавидит меня, чем будет испытывать ко мне жалость. Она встала и уже хотела уйти, но задержалась.

– На данный момент мне наплевать, кто ты такая, – призналась она и уселась рядом со мной, как недавно со мной сидел Вова и что—то мне рассказывал. – Мне нравится твое

упрямство, твоя любовь к сестре. Не будь у тебя этих качеств, я бы не подошла к тебе. Ты, наверное, думаешь, что это странно. Я ведь совсем тебя не знаю, и ты тут всего второй день. Я не знаю, как думают другие, но в тебе непременно есть то, что вверяет доверие.

– Вика! – это был Дима. Она тут же подскочила, спрятав за своей спиной кружку воды. – Какого черта ты сидишь с ней?

– Я подумала, что мне удастся ее расспросить, – говорила спокойно она, шагая к ведру у костра. Она незаметно вылила туда воду из кружки и снова повернулась к главарю группы. – Видимо, ты так ее запугал, что она наотрез отказывается с кем—то разговаривать. Сколько дней еще ты будешь держать ее привязанной к дереву?

– Это не мне решать. Когда придет Игорь, он сам решит, что с ней делать. А пока она должна сидеть здесь.

– По—моему, до его прихода она уже сумеет сдохнуть от голода и жажды. Тебе так не кажется? – она подошла поближе к Диме. Он становился мягче с каждым ее шагом, направленным к нему. Он даже на мгновение улыбнулся. Она осторожно поцеловала его в щеку. Было ясно, что между ними что—то было.

– Хочешь помочь ей? – тихо спросил он. Она мягко кивнула головой. – Ладно. Дай ей кружку воды, – он снова сделался суровым, когда посмотрел на меня. Он пошел куда—то. – Я к реке, – он лукаво улыбнулся Вике. – Присоединишься?

– Не сегодня, – мягко рассмеялась она. – Я на дежурстве.

Вожак Дима скрылся за елками, его шаги стали все менее слышны. Вика снова подошла ко мне с кружкой воды. Но давать мне ее не спешила. Немного погодя, она развязала меня, но бежать я не могла, так как я была слишком слабой. Она протянула мне снова кружку воды и села рядом, облокотившись спиной к дереву так, будто немного устала. Она посмотрела на меня добрыми глазами и улыбнулась.

– Было бы здорово, если бы ты сделала хотя бы один глоток, – она перевела свой взгляд с меня на кружку. – Я не заставляю тебя доверять мне, просто ты, правда, умрешь, если не станешь хотя бы пить, – я тяжело вздохнула и выпила всю воду из кружки за один глоток. Я поперхнулась, и она хотела похлопать меня по спине, но я отклонилась от нее. У меня были, оказывается, еще силы, но от этой девушки мне почему—то не хотелось бежать. – Ты, должно быть, хочешь есть?

– Нет, – отрезала я. – Я всего лишь хочу знать, где Вара, – я посмотрела на Вику, которая думала о чем—то. – Если с ней все в порядке, то я не буду никуда убегать.

– Ты поверишь мне на слово? – удивленно произнесла она. Я кивнула головой. – Только обещаю тебе, что не выдашь меня. Иначе, мне сделают выговор, – я снова кивнула ей. – С ней все хорошо. Каждый день мы даем ей попить и поесть. Она как и ты переживает за тебя. Она не оказывает такого сопротивления как ты, и поэтому Дима не применяет к ней никаких мер. Правда, без тебя она тоже ничего не говорит.

– Но она не здесь? – отважилась спросить я. Вика кивнула головой. – Она не сидит так же привязанная к дереву?

– Нет.

– Хорошо. Спасибо, – я натянуто ей улыбнулась. Она поднялась, взяла кружку и пошла варить обед.

Через полчаса подошли все остальные, чтобы поесть. Дима поворчал немного из—за того, что меня развязали. Но Вика без труда успокоила его, улыбнувшись ему мягко и нежно. Потом кто—то пошел мыть чашки, а остальные остались в лагере отдыхать. Кто—то уже спал, лежа на траве под солнцем. Я начала тоже клевать носом. Подстелив себе под голову папину куртку, я уснула. А когда проснулась, небо уже было розовато—оранжевым. Вика снова сидела возле костра и готовила ужин. Остальные позволяли себе иногда не быть слишком серьезными, и потому играли в какие—то забавные игры. Они сидели кругом и смеялись. Они все спрашивали Вику, когда она уже приготовит ужин. И при этом у меня начинал сильно урчать живот. При всех Вика не смотрела даже в мою сторону, но я чувствовала, что она думала обо мне. Она никак не выдавала того, что давала мне попить и разговаривала со мной. Я чувствовала себя овощем. Вика тем временем уже всех созвала есть. Она кинула не меня невольно свой взгляд и снова поджала губы. Потом кто—то из толпы окликнул ее, и она повернулась к своим собеседникам. Я наблюдала за тем, как они ели. А у меня во рту второй день не лежало ни крошки. Хорошо, что мне

дали кружку воды. Я не вслушивалась в то, что говорили люди из этого лагеря, но они снова говорили о каком—то Игоре и еще каких—то ребятах. Они оставались для меня загадкой, которую я хотела разгадать в течении всего вечера. На небе начали появляться звезды, начало холодать. Я завернулась в куртку и смотрела на потухающий костер, когда все уже разошлись по палаткам. Я не хотела спать, я хотела просто увидеть Варю. Но почему—то я все—таки верила этой Вике, верила, что с моей сестрой все хорошо. Я стала чуть спокойнее. Становилось так холодно, что я видела, как выдыхала пар. Я скрестила руки на груди и закрыла глаза, но какие—то шорохи не давали мне заснуть.

– Эй, – это была Вика. Я открыла глаза и увидела ее совсем лицо совсем рядом. – Пошли к костру?

– Я не уверена...

– Дима спит, – пояснила она. – Пошли.

Я поднялась и тут же пошатнулась от слабости, которая у меня была. И все—таки я упала. Из груди моей тут же раздался тихий стон. Мне, конечно, не в первые испытывать такие ощущения, но даже уже привыкшая ко всему этому я чувствовала себя просто ужасно. У меня ужасно тряслись руки, а в животе все время урчало. Я лежала лицом в траву, у меня совсем не было сил встать. Я все же перевернулась на спину и посмотрела на небо. Оно было удивительно красивым, в нем было что—то такое загадочное. Вика тяжело вздохнула и попыталась помочь мне подняться, но я просила

ее оставить меня в покое. Я слышала, как ее шаги стали отдаляться от меня. Мои глаза начали закрываться. Я не хотела просыпаться и снова терпеть все это. Но мы с Варей должны уйти отсюда. Мне нужны были силы.

Третий день в этом лагере. Люди здесь пытались узнать, кто я такая, а я хотела узнать, кто они. Но никто из нас ничего не мог добиться друг от друга. Я лежала целое утро на земле и не могла сдвинуться с места. Потом кто—то облил меня водой, и я тут же встала с земли. Я особо не обращала внимания на головокружение. Вода была холодной, и меня волновало только это. Я тут же вся продрогла. Потом обернувшись на того, кто вылил на меня воду, обнаружила, что это сделал Дима. Были бы у меня хоть какие—нибудь силы, я бы двинула ему по его нахальной роже. Он тут же взял меня за предплечье и потащил куда—то в лес. Я кинула быстрый взгляд на Вику. Она была ошарашена не меньше меня. Я снова повернулась к спине этого придурка, когда он сжал мою руку так сильно, что мне стало больно. Когда мы спрятались за деревьями и нас не было видно, он отпустил меня, но я упала на землю. Мне хватило сил, чтобы просто сесть. Он был серьезным и даже суровым.

– Либо ты сейчас говоришь, кто ты такая и откуда, либо я перережу тебе глотку, – сказал он в каком—то порыве гнева. – Ты думаешь, что ничего не будешь говорить, и мы постепенно привыкнем к тебе и будем давать попить и поесть? Если действительно так, то ты очень глубоко ошибаешься!

Вдруг что—то зашуршало в лесу, и этот Дима достал свой

нож. Я не стала терять времени, быстро встала и хотела убежать. Но меня снова поглотила тьма.

Я еще не открыла глаза, но уже чувствовала как болела моя голова. Ощувив теплую струйку крови на лице, я поняла, что меня снова ударили чем—то тяжелым. Я открыла глаза и увидела, что меня тащили за ногу по земле. Я приподняла голову. Кроме этого Димы впереди еще шло четверо людей. Я снова опустила голову и закрыла глаза, стараясь не потерять сознание. Потом меня ослепил еще утренний свет, и я невольно зажмурилась. Потом меня отпустили. Стали раздаваться какие—то новые голоса, которых здесь я еще не слышала.

– Мы только знаем, что ее зовут Таня, и у нее есть сестра Варя, – это говорил Дима.

– Пробовали шантажировать ее сестрой? – спрашивал незнакомый грубый голос.

– Пробовали. Сидела два дня у дерева, на первый день пыталась убить Лешу. Уверен, что она не так глупа, так как ничего нам не говорит и пытается сбежать, что—то придумывая.

– Думаешь, она из шпионского отряда? – я слышала знакомый голос. Я невольно открыла глаза. И увидела того, кого совсем не ожидала здесь увидеть. – Кажется, она очнулась, – я почувствовала, как меня начало трясти. Это был адреналин, благодаря которому я быстро побежала от этих парней подальше. – Позовите Игоря! Я ее догоню, – и я слышала, как

этот человек начал догонять меня, я попыталась разогнаться, так как он очень быстро бежал. Я запнулась о какую—то чертову корягу и упала, но тут же попыталась встать. Меня догнали. Прижав мои руки к земле, чтобы я не смогла ударить его, этот парень сел на меня сверху. Я начала кричать изо всех сил, хотя знала что мне никто не поможет. — Не держайся!

— Да пошел ты! — я плюнула ему в лицо, и пользуясь тем, что он на одно мгновение отпустил мою руку, каким—то образом изогнулась, ударила ему коленом в пах, быстро поднялась и опять побежала со всех ног. Я начала задыхаться, мои ноги начали подкашиваться. Но я должна была убежать от них как можно дальше. Я думала, что уже оторвалась от этого варвара, но потом я поняла, что они меня как—то перехитрили. Рядом никого не было. Я хотела наплевать на все и спокойно пока отдышаться. А потом меня окружили трое парней, но на этот раз они не стали меня бить по голове, а просто перевязали руки. Я, конечно, пыталась как—то вывернуться, но понимала, что у меня совсем не было шансов убежать от них. Через десять минут умеренной ходьбы мы уже снова были в лагере. Меня снова привязали к дереву. Вика тут же хотела подбежать ко мне, но вместо этого подошла к этим парням. Я глаз не сводила только с одного из них. Я просто не могла поверить в это. Это был тот самый Дежурный, который постоянно следил за мной. Тот Дежурный, которого как раз не было на последних днях перед на-

шим побегом. Теперь все вставало на свои места. Если он был Дежурным, то, наверняка, остальные люди тоже были частью правительства. Этого—то я и опасалась.

– Кто из вас ударил ее снова по голове? – крикнула Вика. – Даже если она и убегала, не зачем было ее бить! Я спрашиваю, кто это сделал?!

– Так, значит, ты с ней за одно, так? – это спрашивал какой—то незнакомый мне парень. Он выглядел главнее этого Димы. Это был тот самый Игорь. Он—то и был у них вожаком. – Я спрашиваю, это так?

– Это, по—любому, ты Макс! – Вика ткнула пальцем в грудь прошлого Дежурного. – Думал за короткий срок сделать как можно больше подвигов? И потом ты сразу заслужишь наше доверие?

– Вика, заткнись! – прервал ее Игорь. – Это не Макс. Ты совсем не знаешь, о чем говоришь!

– Да ты что! Он всего неделю в лагере, а ты уже взял его в свой отряд!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.